

**Михаил Минович Шевченко
Сергей Георгиевич Кара-Мурза
Александр Васильевич Чаянов**
**Крепостная Россия. Мудрость
народа или произвол власти?**
Серия «Парадоксы русской истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18397964

*Крепостная Россия. Мудрость народа или произвол власти? / С.Г. Кара-Мурза, М.М. Шевченко,
А.В. Чаянов.: Алгоритм; Москва; 2016
ISBN 978-5-906842-33-6*

Аннотация

В феврале 1861 года Александр II отменил крепостное право в России. С тех пор прошло 155 лет, но споры не утихают до сих пор: чем была крепостная система для нашей страны – неизбежным злом или самобытным путем развития?

В книге, представленной вашему вниманию, приводится подробная история крепостного права в России, написанная Михаилом Шевченко, крупнейшим специалистом по аграрным и социальным отношениям. Автор показывает, почему возникло крепостное право в России, в чем его сущность и какие этапы оно прошло от зарождения до падения включительно. Развернутое предисловие к книге написал известный социолог, историк и публицист Сергей Кара-Мурза, а в качестве Приложения дается большая статья классика российской социологии и экономики Александра Чаянова на эту же тему.

Содержание

С.Г. Кара-Мурза. Социальный расизм и русофобия	4
М.М. Шевченко. История крепостного права в России	8
Глава I	8
Глава II	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Георгиевич Кара-Мурза, Михаил Минович Шевченко, Александр Васильевич Чаянов Крепостная Россия. Мудрость народа или произвол власти?

С.Г. Кара-Мурза. Социальный расизм и русофобия

Очень важным типом отношения к людям является расизм. В основе его лежит представление о том, что человеческий род не един, а делится на подвиды— высшие и низшие. Расизм — часть мировоззрения, и потому влияет и на отношения внутри каждого народа. Например, на Западе социальный расизм в отношении к бедным, а затем к пролетариям («расе рабочих»), прямо вытекал из расизма этнического. Впрочем, какой из видов расизма возник раньше — предмет дискуссии. Социолог из США Ч. Томпсон, изучавший связь между расовыми и социальными отношениями, писал: «В Англии, где промышленная революция протекала быстрее, чем в остальной Европе, социальный хаос, порожденный драконовской перестройкой экономики, превратил обнищавших детей в пушечное мясо, которым позже стали африканские негры. Аргументы, которыми в тот момент оправдывали такое обращение с детьми, были абсолютно теми же, которыми впоследствии оправдывали обращение с рабами».

Современный этнический расизм возник на Западе в период Великих географических открытий под действием нарождающегося капитализма с присущей ему необходимостью экспансии в иные земли и культуры (ради серебра, земли, сырья, рынков сбыта, рабочей силы). Историк капитализма Фернан Бродель сформулировал это таким образом: «Капитализм вовсе не мог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда». В середине XVIII века Англия только из Индии извлекала ежегодно доход, равный трети всех инвестиций в Великобритании. Если учесть доход от всех ее обширных колоний, то выйдет, что за их счет делались практически все инвестиции и поддерживался уровень жизни англичан, включая образование, культуру, науку, спорт и т. д. Как мы знаем, Россия всегда развивалась «без услужливой помощи чужого труда», хотя для этого самим жителям России приходилось много и тяжело трудиться (беда в том, что не все у нас это понимают и на трудящихся своей страны кое-кто смотрит свысока).

На интенсивность расизма сильно повлиял кальвинизм с его учением о делении людей на избранных и отверженных. Католики, близко познакомившись с индейцами в ходе завоевания Америки после ее открытия в 1492 г., быстро убедились, что это полноценные люди («Бог сотворил этих простых людей без пороков и хитрости»), и в 1537 г. Папа Римский формально признал индейцев людьми («имеющими душу»). Напротив, пуритане в Северной Америке даже в XIX веке вели геноцид индейцев в полной уверенности, что не нарушают прав человека. Основатель теории гражданского общества английский философ Джон Локк помогал составлять конституции рабовладельческих штатов США и вложил все свои сбережения в работорговлю. Даже великий Кант писал, что «у африканских негров по природе отсутствуют чувства, за исключением самых незначительных».

Мы недооцениваем того влияния, которое рабство в Новое время оказывало на западное общество в целом, сводим дело к рабству в США. Колонии были частью европейских

государств, и работорговлей занимались европейцы. В 1730 г. Ливерпуль использовал для торговли рабами 15 кораблей, в 1751 г. – 53 корабля, в 1760 г. – 74, в 1770 г. – 96 и в 1792 г. – 132 корабля. Вот данные из доклада 1803 года: В 1790 г. в английской Вест-Индии (штаты США, бывшие английской колонией) на 1 свободного приходилось 10 рабов, во французской – 14, в голландской – 23. Да и в европейских столицах присутствовало рабство. В Лиссабоне в 1633 г. при общей численности населения около 100 тыс. человек только черных рабов насчитывалось более 15 тысяч.

Заметим, что гражданское общество выходцев из Европы триста лет использовало рабство в США без всяких моральных проблем, считаясь оплотом демократии – но в то же время с Запада осыпали проклятиями «деспотическую Россию» за крепостное право, просуществовавшее очень недолго и лишь в центральных областях. Кстати, надо помнить, что наше восприятие истории России искажено литературой. Прочитав в школе «Муму», мы создаем в воображении страшный образ крепостного права. Так и должно быть, но нельзя и забывать, что среди крестьян России доля крепостных лишь на короткий срок достигла половины, а уже в 1830 г. составляла лишь 37 %. Право помещиков продавать крестьян без земли просуществовало всего 35 лет и было отменено в 1802 г.

Русский экономист Александр Васильевич Чаянов в важном для нас сегодня труде «К вопросу о теории некапиталистических систем хозяйства» (1924) показывает, что капиталистическое хозяйство Запада в политэкономическом смысле генетически родственно рабовладельческому хозяйству Древнего Рима. Напротив, крепостное русское хозяйство было организовано в обычной для трудового хозяйства форме, хотя и отдавало владельцу определенную часть продукта как крепостную ренту. Народное хозяйство России начиная с первобытно-общинного строя пошло по иному пути развития («без рабства»), чем хозяйство Римской империи и затем Западной Европы.

Для русских проблема этнического расизма была неактуальна – в зонах интенсивных межэтнических контактов казаки везде вступали с местными этносами в обмен культурными навыками и достижениями (достаточно сравнить облик и промыслы казаков Дона, Кубани, Урала, Семиречья и Амура). Таким же было отношение землепроходцев к народам Сибири и Севера. Сложившийся в российском обществе тип межэтнического общежития – отдельная тема, которая здесь не затрагивается. Другое дело – социальный расизм, которым сопровождалась и в России вспышки социальных противоречий.

На Западе социальный расизм в период формирования капитализма стал частью культуры, даже вошел в культурное ядро общества. Им был проникнут и либерализм как основное идеологическое учение. Адам Смит писал: «Человек, вся жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций, становится таким тупым и невежественным, каким только может стать человеческое существо... Но в каждом развитом цивилизованном обществе в такое именно состояние должны неизбежно впадать трудящиеся бедняки, т. е. основная масса народа». Это ложное суждение – продукт идеологии, опровергнутый наукой.

В Средние века социальный расизм, свойственный рабовладельческому Риму, ослабевал под влиянием христианства. Но уже в XVI веке («Возрождение») Запад стал осознавать себя как наследника Рима и восстанавливать в правах рабство. Через Турцию поступали в Европу угнанные крымскими татарами славяне, возродили работорговлю фризы. Фризы – народность, родственная саксам – жили на побережье Северного моря в районе устья Рейна (занятая ими территория называлась Фрисландией). Потом они заселяли Англию. Это был народ фермеров, которые в то же время были торговцами и мореходами. В Средние века главным товаром в их торговле стали рабы, которых они скупали у норманнов. Хозяйственный уклад фризов позже был воспроизведен как современный капитализм.

Социальный расизм – один из корней мальтузианства, учения о необходимости воспрепятствовать «размножению бедных», которые подспудно воспринимались как отвержен-

ные. Рикардо писал, что первая задача рынка – через зарплату регулировать численность «расы рабочих». Все теории рынка были предельно жестоки: рынок должен был убивать лишних, как бездушный механизм. Это выразил Томас-Роберт Мальтус, который в начале XIX века был в Англии одним из наиболее читаемых авторов и выражал «стиль мышления» того времени: «Человек, пришедший в занятый уже мир, если общество не в состоянии воспользоваться его трудом, не имеет ни малейшего права требовать какого бы то ни было пропитания, и в действительности он лишний на земле. Природа повелевает ему удалиться, и не замедлит сама привести в исполнение свой приговор».

У Мальтуса Дарвин взял метафору борьбы за существование и перенес ее из человеческого общества, к которому прилагал ее Мальтус, в дикую природу. Оттуда эта метафора, уже с авторитетом научной теории, вернулась в сферу социальных отношений. Так возник социал-дарвинизм – учение, переносящее животный принцип борьбы за существование в общество людей. Это придает неравенству видимость «естественного» закона. Английский философ Герберт Спенсер писал: «Бедность бездарных, несчастия, обрушивающиеся на неблагодарных, голод, изнуряющий бездельников, и то, что сильные оттесняют слабых, оставляя многих на мели и в нищете – все это воля мудрого и всеблаготворного провидения».

Фридрих Ницше говорит еще более жестко: «Сострадание, позволяющее слабым и угнетенным выживать и иметь потомство, затрудняет действие природных законов эволюции. Оно ускоряет вырождение, разрушает вид, отрицает жизнь. Почему другие биологические виды животных остаются здоровыми? Потому что они не знают сострадания». Василий Васильевич Розанов заметил: «Ницше почтили потому, что он был немец, и притом – страдающий (болезнь). Но если бы русский и от себя заговорил бы в духе: «Падающего еще толкни», – его бы назвали мерзавцем и вовсе не стали бы читать».

Известно, что мальтузианства не было в русской культуре XIX века (оно внедряется только сегодня, впрочем, уже не в русской, а искусственной «рыночной» культуре, порожденной нынешним кризисом). Социальные механизмы, препятствующие распространению мальтузианских взглядов, были издавна выработаны крестьянской общиной (наделение земель «по едокам»). Предупреждения против социал-дарвинизма регулярно «произносились» в летописях и «поучениях» князей и царей. Еще в «Русской правде» Ярослава Мудрого сказано: «Не позволяйте сильным погубить человека».

При восприятии дарвинизма в русской науке произошло его очищение от мальтузианской компоненты, что является заслуживающим самого пристального внимания феноменом культуры. В своих комментариях русские ученые предупреждали, что дарвинизм – английская теория, которая вдохновляется политэкономическими концепциями либеральной буржуазии. Произошла адаптация дарвинизма к русской культурной среде («Дарвин без Мальтуса»), так что концепция межвидовой борьбы за существование была дополнена теорией межвидовой взаимопомощи.

Н.А. Бердяев писал в 1946 г.: «Есть два понимания общества: или общество понимается как природа, или общество понимается как дух. Если общество есть природа, то оправдывается насилие сильного над слабым, подбор сильных и приспособленных, воля к могуществу, господство человека над человеком, рабство и неравенство, человек человеку волк. Если общество есть дух, то утверждается высшая ценность человека, права человека, свобода, равенство и братство... Это есть различие между русской и немецкой идеей, между Достоевским и Гегелем, между Л. Толстым и Ницше».

Всплески социал-дарвинизма – необычное явление в русской культуре. Один Россия пережила в начале XX века в момент назревания катастрофического социального конфликта. Другой переживает сегодня.

В начале XX века, по мере наступления капитализма западного типа, подрывались социально-философские основы сословного общества России, менялись ценности и «при-

вилегированных классов», и трудящихся – представления о человеке и его правах. Изменения в системе ценностей сразу приводили к очевидным для всех изменениям в жизнеустройстве – совершался отход от патерналистских установок помещиков, владельцев предприятий и царского правительства. В культуру правящих классов просачивался и социал-дарвинизм, идеология западной буржуазии.

Та небольшая часть капиталистов России, которая смогла войти в симбиоз с «импортированным» западным капитализмом, после 1905 г. заняла столь радикальную социал-дарвинистскую позицию, что вступила в конфликт с культурными нормами подавляющего большинства населения. Так, группа московских миллионеров, выступив в 1906 г. в поддержку столыпинской реформы, заявила в беседе с корреспондентом журнала «Экономист России»: «Мы почти все за закон 9 ноября... Дифференциации мы нисколько не боимся... Из 100 полуголодных будет 20 хороших хозяев, а 80 батраков. Мы сентиментальностью не страдаем. Наши идеалы – англосаксонские. Помогать в первую очередь нужно сильным людям. А слабеньких да нытиков мы жалеть не умеем».

Нарастание революционных настроений в крестьянстве вызвало резкий сдвиг социальной философии элиты вправо. Социальный расизм стал характерен даже для умеренно левых философов. Например, Н.А. Бердяев в тот момент излагал определенно расистские представления: «Культура существует в нашей крови. Культура – дело расы и расового подбора... «Просветительное» и «революционное» сознание... затемнило для научного познания значение расы. Но объективная незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определенными интересами, но как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела. Существование «белой кости» есть не только сословный предрассудок, это есть неопровержимый и неистребимый антропологический факт».

Социальный расизм элиты сопровождался всплеском русофобии – разновидности расизма этнического, направленного против русского простонародья, а затем и вообще против русских. После крестьянских волнений 1902–1907 гг. либеральная элита качнулась от «народопоклонства» к «народоненавистничеству». Кадет и известный культуролог Михаил Осипович Гершензон писал в книге «Вехи»: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться мы его должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной».

Видный историк академик Веселовский пишет в дневнике: «Еще в 1904–1906 гг. я удивлялся, как и на чем держится такое историческое недоразумение, как Российская империя. Теперь мое мнение о народе не изменилось. Быдло осталось быдлом... Последние ветви славянской расы оказались столь же неспособными усвоить и развивать дальше европейскую культуру и выработать прочное государство, как и другие ветви, раньше впавшие в рабство». В другом месте он говорит определеннее: «Годами, мало-помалу, у меня складывалось убеждение, что русские не только культурно отсталая, но и низшая раса... Повседневное наблюдение постоянно приводило к выводу, что иностранцы и русские смешанного происхождения даровитее, культурнее и значительно выше, как материал для культуры».

Понятно, что все это сплачивало русское простонародье ответной ненавистью и порождало в нем ответный социальный расизм, что и проявилось во взаимной жестокости Гражданской войны.

М.М. Шевченко. История крепостного права в России

Глава I Дореволюционная и советская историография о крепостном праве в России

Выше уже отмечалось, что о крепостном праве в России писали многие и много. Существующая по этой проблеме литература прямо-таки необозрима. Она насчитывает сотни больших и малых работ, в которых исследованы различные ее аспекты. В своем историографическом обзоре мы остановимся только на вопросе происхождения крепостного права, поскольку он был и продолжает оставаться наиболее спорным в исторической науке. Как же трактовался этот вопрос в дореволюционное время? Известно, что в русской дворянско-буржуазной исторической науке при наличии множества оттенков по вопросу закрепощения крестьян довольно четко обозначились две основные концепции или теории – указная и безуказная. Основоположником теории указного происхождения крепостного права справедливо считается В.Н. Татищев. В 1734 г., разбирая старые архивные рукописи, он нашел Судебник 1550 г., в 88-й статье которого говорится об установлении определенного срока для свободного перехода крестьян от одного землевладельца к другому. Найденный Татищевым экземпляр Судебника представлял собой великолепно оформленную рукопись, и он подарил ее «яко вещь дивную» императрице Анне Ивановне, а копию с нее отдал в Академию наук. Надо заметить, что более ранние законодательные памятники, имевшие хождение в государстве между Русской Правдой и Судебником 1550 г., в то время ученым не были еще известны, хотя Татищев и догадывался об их существовании.

Наряду с Судебником Ивана IV В.Н. Татищев отыскал указ о беглых крестьянах от 24 ноября 1597 г. В указе записано: «Которые крестьяне... из поместей, и из вотчин... выбежали до нынешнего 106-го году за пять лет, – и на тех беглых крестьян в их побеге... давати суд и сыскивать накрепко всякими сыски. А по суду и по сыску тех крестьян беглых с женами и с детьми и со всеми их животы возити их назад, где кто жил...»[1]. Сопоставляя далее статью 88 Судебника 1550 г. о праве крестьянского перехода в Юрьев день осенний с указом 1597 г. о пятилетнем сроке сыска беглых крестьян, Татищев пришел к выводу, что за пять лет до 1597 г. «закон о непереходе крестьян учинен», т. е. что в 1592 г. был издан указ об отмене Юрьева дня и о прикреплении крестьян к земле, на которой они сидели, только текст этого указа не сохранился.

Так родилась теория об указном закрепощении крестьян. Эту теорию в основном приняли и другие историки XVIII столетия, в частности И.Н. Болтин и М.М. Щербатов. В начале XIX в. сторонником указной теории выступил Н.М. Карамзин, который своим авторитетом надолго утвердил татищевский взгляд в русской историографии.

По мнению Н.М. Карамзина, крестьяне до конца XVI в. были вольными хлебопашцами свободными арендаторами чужой земли. Но в 1592 или 1593 г. Борис Годунов издал закон, которым отменил переходы крестьян в Юрьев день и сделал их крепостными. «Мы знаем, – писал Н.М. Карамзин, – что крестьяне искони имели в России гражданскую свободу, но без собственности недвижимой: свободу в назначенный законом срок переходить с места на место, от владельца к владельцу, с условием обрабатывать часть земли для себя, другую – для господина или платить ему оброк. Правитель (Борис Годунов. – М.Ш.) видел

невыгоды сего перехода, который часто обманывал надежду земледельцев сыскать господина лучшего, не давал им обживать, привыкать к месту и к людям для успехов хозяйства... – умножал число бродяг и бедность: пустели села и деревни, оставляемые кочевыми жителями; дома обитаемые, или хижины, падали от нерадения хозяев временных...: без сомнения желая добра не только владельцам, но и работникам сельским – желая утвердить между ими союз неизменный, как бы семейственный, основанный на единстве выгод, на благосостоянии общем, нераздельном, – он в 1592 или в 1593 году законом уничтожил свободный переход крестьян из волости в волость, из села в село и навеки укрепил их за господами»[2].

Таким образом, Н.М. Карамзин, как и В.Н. Татищев, считал, что крестьяне в России были закрепощены специальным законом при правлении Бориса Годунова. Причем он явно оправдывал издание этого закона, который, с его точки зрения, был в одинаковой степени выгодным и для землевладельцев-феодалов, и для крестьян.

Во второй четверти XIX в. догадка В.Н. Татищева о существовании указа 1592 г., закрепостившего крестьян, стала подвергаться серьезному сомнению. Татищев верил, что такой указ был издан, и задача историков заключается в том, чтобы его найти. Но среди великого множества документов, ставших известными после Татищева, никаких следов гипотетического закона не оказалось.

В 1836 – 1838 гг. вышли четыре тома «Актów археографической экспедиции», в которых опубликованы материалы, охватывающие период с 1294 по 1700 г. Автор предисловия к этим материалам, а таковым, по предположению К.А. Пажитнова, был П.М. Строев, попытался несколько подновить теорию Татищева – Карамзина об указном происхождении крепостного права. За исходный пункт крестьянского закрепощения он взял реально существовавший указ от 24 ноября 1597 г. Смысл этого указа Строев видел не в установлении пятилетнего срока давности для Розыска убежавших крестьян, а в отмене статьи 88-й Судебника 1550 г., т. е. в полном запрещении крестьянских переходов[3].

Аналогичной точки зрения придерживался и Н.С. Арцыбашев – русский историк, призывавший к так называемой скептической школе. В своем труде «Повествование о России» Арцыбашев писал, что судопроизводство «в отечестве нашем текло, как видно, прежним порядком, по Судебнику, который несколько изменился указом царя Федора Иоанновича (ноября от 24 числа 1597 года), укрепляющим крестьян за помещиками»[4].

Однако точка зрения П.М. Строева и Н.С. Арцыбашева на роль указа 1597 г. в закрепощении крестьян не была достаточно аргументирована и, как справедливо заметил К.А. Пажитнов, «не произвела в то время впечатления»[5].

Так решалась проблема происхождения крепостного права дворянскими историками в XVIII и первой половине XIX в. Однако ставилась тогда эта проблема в повестку дня очень робко, нерешительно, поскольку правительство категорически запрещало выступать как в защиту, так и в опровержение крепостного права. Более глубокая научная разработка ее началась лишь с конца 1850-х гг., когда сами правящие верхи вынуждены были признать необходимость освобождения крестьян. При этом одни авторы продолжали стоять на позициях указной теории, другие – склонялись признанию нарождавшейся безуказной теории закрепощения крестьян.

Сторонники указной теории фактически защищали положения, выдвинутые еще Татищевым и Карамзиным. Не соглашаясь по некоторым второстепенным вопросам, все они сходились на том, что крепостное право в России утвердилось вследствие издания некоего правительственного указа. Причем появление этого указа большинство из них относило к концу XVI в., считая, что до того времени крестьяне были свободным, бродячим населением. Такого рода мысль наиболее полно выражена в работах Б.Н. Чичерина.

Б.Н. Чичерин известен как автор теории государственного закрепощения и раскрепощения сословий. По его мнению, до XVI в. на Руси не было не только крепостного права, но и государства, которое он считал надклассовой организацией и творцом истории, ее единственной движущей силой. Государство отсутствовало тогда потому, утверждал Чичерин, что его существование было невозможно при всеобщей бродячести населения. В работе «Опыты по истории русского права» он писал: «Дружина была кочевая; бояре и слуги переезжали с места на место. То же самое делали и крестьяне; это было всеобщее брожение по всей Русской земле»[6]. В XVI в., рассуждал далее Чичерин, образовалось Русское государство, а вместе с ним появилось и крепостное право. Первыми были закрепощены бояре и дворяне, а затем крестьяне. «Вообще, – писал он, – с образованием государства возникает мысль, что каждый подданный должен нести на своем месте наложенное на него государственное тягло, мысль, которая лежит в основании укрепления крестьян. Сначала она высказывается случайно; она является как мера временная и частная; но нужно было только обобщить ее, сделать из нее государственную систему, и прямым последствием должно было сделаться всеобщее укрепление сословий»[7]. Чичерин считал, что закон, изданный в 1592 или 1593 г., лишь распространил на частновладельческих крестьян те государственные обязанности, которые уже несли остальные разряды населения – бояре, дворяне, посадские люди и черносошные крестьяне.

Таким образом, согласно утверждению Б.Н. Чичерина, закрепощение крестьянства произошло в силу необходимости всех сословий выполнять по отношению к государству определенные повинности. Причем каждый должен был служить на своем месте: бояре и дворяне на поле брани и в правительственных учреждениях, посадские люди и черносошные крестьяне отправлением в пользу государства «различных служб, податей и повинностей», наконец, частновладельческие крестьяне, кроме уплаты государственных податей, обязаны были еще служить своему помещику. В зависимости от характера службы и крепость была различной. Так, бояре и дворяне имели право свободного передвижения, поскольку их служба была повсеместной; что касается крестьян, то они были прикреплены к земле, к определенным местам жительства[8].

Объявив государство создателем крепостного права, Чичерин был далек от мысли, чтобы порицать его за это. Напротив, он целиком и полностью оправдывал действия верховной власти, которая будто бы в одинаковой мере защищала интересы и заботилась о выгодах всех сословных групп населения. По мысли Чичерина, государство, закрепощая крестьян, приобщая их к общественному тяглу, намеревалось попутно решить и некоторые другие вопросы, в частности – служилых дворян от переманивания их крестьян богатыми соседями – боярами и монастырями, установить правильную финансовую систему, упрочить общественную безопасность, которая постоянно нарушалась «при общем брожении народонаселения»[9].

В дальнейшем, когда государство достаточно окрепло, заявлял Чичерин, оно перестало нуждаться в обязательной постоянной службе всех сословий и приступило к их постепенному освобождению. Первоначально манифестом Петра III (1762 г.) и Жалованной грамотой Екатерины II (1785 г.) «за долголетнюю службу отечеству» были раскрепощены дворяне. По логике вещей следующими на очереди стояли крестьяне. Государство всех закрепостило, оно же всех и раскрепостит, когда придет время. В обстановке складывавшейся революционной ситуации конца 1850-х гг. такого рода заявления имели большой политический смысл.

Теория Б.Н. Чичерина о государственном закрепощении и раскрепощении сословий носила ярко выраженный классовый характер и призвана была отвлечь широкие крестьянские массы от активной борьбы с крепостниками-помещиками за землю и волю. Вместе с тем эта теория грубо фальсифицировала прошлое нашей страны и исторические судьбы ее народа. Так, крестьянское закрепощение Чичерин уподоблял закрепощению служилого

сословия дворян, ставил по существу знак равенства между этими двумя видами «крепости». В действительности дворяне вовсе не были прикреплены ни к земле, ни к службе. Как известно, в случае отказа от службы они лишались предоставлявшийся им земли, но не возвращались принудительно на свои «старые жеребья» или места жительства. Выход из служилого состояния был совершенно запрещен лишь указом от 9 марта 1642 г. Но даже при жестких законах Петра I многие дворяне, в случае желания, находили возможность безнаказанно избегать службы. Совершенно иным было положение крестьян. Далее, причину прикрепления к земле частновладельческих, т. е. боярских, помещичьих, монастырских и церковных крестьян Чичерин видел в необходимости приобщения их к несению государственного тягла, умалчивая, что такое тягло они уже несли задолго до отмены правил Юрьева дня. Это объяснение можно еще, хотя и с большими оговорками, применить к эпохе Петра I, введшего подушную подать и распространившего ее на холопов и «гулящих людей», но оно совершенно не годится для интерпретации законодательства конца XVI в. Чичерин грешит против истины и в том случае, когда утверждает, что черносошные крестьяне и посадские люди были закрепощены раньше крестьян частновладельческих. Такое утверждение не согласуется с показаниями источников. Ведь Судебники 1497 и 1550 гг. говорят о праве выхода в Юрьев день крестьян вообще, не подразделяя их на отдельные разряды, и предполагать, что черносошные крестьяне, жившие на государственных землях, находились в худшем положении, были более зависимы и угнетены, чем крестьяне частновладельческие, нет никаких оснований.

К середине XIX в. относится начало научной и педагогической деятельности одного из крупнейших русских буржуазных историков С.М. Соловьева. Как и Чичерин, Соловьев считал государство основной движущей силой в истории, еедемиургом. В 1857 г. вышел в свет седьмой том его труда «История России с древнейших времен», в четвертой главе которого автор касается проблемы происхождения крепостного права. В понимании этой проблемы Соловьев разделял взгляды сторонников указной теории. «К царствованию Федора, – писал он, – относится одно из самых важных в истории русских сословий явление – закон об укреплении крестьян»[10].

Необходимость закрепощения крестьян С.М. Соловьев видел в обширности Русского государства и «в малом его населении, в обилии земель и в недостатке рук АЛЯ ее обработки». Он рассуждал так: с образованием Русского централизованного государства появилась потребность в большом войске. Его основу составляли дворяне и дети боярские. Они получали за свою службу поместья, с которых должны были содержать себя, и по призыву государя являться «конны, людны и оружны». Чтобы служилый человек мог всегда исправно нести требуемую службу, он должен был иметь на своей земле необходимое количество крестьян для ее возделывания. Между тем богатые соседи постоянно переманивали их у него большими льготами. Вот почему государство, наделив служилого дворянина землею «обязано было дать ему и постоянных работников, иначе он служить не мог»[11].

Как видим, С.М. Соловьев, подобно многим другим историкам того времени, считал, что закрепощение крестьян произошло сравнительно поздно, в конце XVI в., в результате издания правительством специального закона, что мера эта была вызвана государственными потребностями.

В конце 1858 г. в славянофильском журнале «Русская беседа» появилась статья М.П. Погодина под названием «Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права?» Она нарушила то единодушие, которое существовало среди профессиональных историков по вопросу происхождения крепостного права в России. Погодин решительно выступил против указной теории, завоевавшей к тому времени очень прочные позиции и разделявшейся подавляющим большинством ученых и общественных деятелей. Он пытался доказать, что никакого закона об отмене Юрьева дня никогда не существовало, что крепост-

ное право было создано помимо участия государственной власти, ходом самой жизни. В названной статье автор писал: «Нет возможности поймать моменты водворения у нас рабства... Рабство закралось к нам изподтишка: виноват не Борис Годунов, не Иоанн Грозный, не Петр Великий, а больше всего народный характер, кроткий, смиренный и терпеливый до крайностей», виноваты в конечном итоге «обстоятельства»[12]. Но какие именно «обстоятельства» вызвали к жизни крепостное право и причем тут был «кроткий» народный характер? – на эти вопросы Погодин не смог дать ответа.

Начало закрепощения крестьян в России М.П. Погодин относил к первой четверти XVIII в., ко времени петровских преобразований. Характерным для него является недооценка роли государства как активной силы в процессе возникновения и дальнейшего развития крепостного права.

Точка зрения М. П. Погодина не получила тогда широкого признания. Погодину не удалось опровергнуть теорию указного закрепощения крестьян. Тем не менее он нанес довольно сильный удар по этой теории. В его руках оказались такие аргументы, оспаривать которые было делом чрезвычайно трудным. Так, В.Н. Татищев, констатируя отсутствие в известных ему источниках указа об отмене Юрьева дня, успокаивал себя и читателей тем, что этот указ рано или поздно все же удастся найти. Но ко времени выхода в свет статьи Погодина прошло более ста лет, в течение которых было выявлено огромное количество ранее неизвестных актов, а искомый указ об установлении крепостного права, как уже говорилось, так и не был найден. Как могло случиться, спрашивал Погодин у своих оппонентов, что исключительно важный закон, касающийся многочисленного класса жителей, определяющий их положение и по содержанию своему для исполнения повсеместный, пропал так, что нигде не нашлось ни одной копии, не говоря уже о подлинниках, которых должно быть великое множество. Более того, продолжал Погодин, во всех современных предполагаемому закону актах и в последующих указах, касающихся крестьянского выхода, нет не только никаких ссылок, но даже и намека, что этот закон когда-либо существовал [13].

Рассмотренная нами статья М.П. Погодина содержала в себе зародыш новой концепции происхождения крепостного права в России, вошедшей в историю под названием безуказной теории. Однако, если быть более точным, то, очевидно, следует признать, что ее родоначальником был не Погодин, а М.М. Сперанский.

В 1859 г. во второй книге сборника «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России» появилась работа М.М. Сперанского «Историческое обозрение изменений в праве поземельной собственности и в состоянии крестьян». Эту работу Сперанский написал еще в 1836 г., но, вероятно, из-за цензурных условий не смог ее тогда напечатать и она длительное время оставалась в рукописи. К.А. Пажитнов высказал предположение, что в научных и литературных кругах работа Сперанского стала известна раньше ее публикации и что именно ознакомление с рукописью этой работы побудило Погодина выступить со статьей «Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права?»[14].

М.М. Сперанский считал, что в древней Руси все разряды крестьян были людьми вольными. В этом вопросе сторонники нарождавшейся безуказной теории, за немногим исключением, не расходились во взглядах со своими противниками. Являясь лично свободными, древнерусские крестьяне, по мнению Сперанского, выполняли государственные и общественные повинности, а за пользование землею платили ее собственникам оброк деньгами, хлебом или работою. Они могли беспрепятственно переходить с одного места на другое, имели право покупать землю на собственное имя и пользоваться ею так же, как и другие владельцы. Но со времени проведения татаро-монголами переписи в 1257 г. в положении крестьян, поселенных на государственных землях, «произошла великая перемена». Попад в писцовые книги, они стали называться численными и должны были оставаться там, где их

застала перепись. Те же крестьяне, которые жили на частновладельческих землях, по-прежнему сохраняли право перехода от одного феодала к другому[15].

Таким образом, после 1257 г., как полагал Сперанский, на Руси произошло разделение крестьян на две группы: на прикрепленных к определенным местам жительства и на свободных, в зависимости от того на чьей земле они были поселены – на государственной или же на частновладельческой.

Следует заметить, что аналогичная мысль о роковых для крестьян последствиях татарской переписи была высказана еще в 1816 г. профессором Дерптского университета Густавом Эверсом в его книге «История русских», однако веских аргументов для ее обоснования ни у Эверса, ни у Сперанского не оказалось.

М. М. Сперанский утверждал, что частновладельческие крестьяне не потеряли права перехода с одной земли на другую не только в период татаро-монгольского нашествия, но и в конце XVI в. По его мнению, Борис Годунов не отменял Юрьева дня, не отменяли его и другие русские государи. До первой ревизии переход крестьян не был «ни воспрещаем, ни отменяем законом общим и положительным». Но затруднения, связанные с возвращением полученной ссуды и уплатой пожилого, лишали крестьян возможности пользоваться этим правом. Сперанский делал упор на то, что письменные договоры тогда не составлялись и крестьянину нечем было доказать правильность своего перехода; он всегда рисковал считаться беглым и как таковой «возвращаем был помещику». Следовательно, «всякий переход, даже и правильный, мог быть признаваем бегством, и право перехода, хотя общим законом неотмененное, отменялось само собой на деле. Крестьянин стал крепок земле»[16].

Прикрепление крестьян к земле Сперанский считал начальной «степенью укрепления». Последующая степень наступила с первой ревизии и первого рекрутского набора, когда крестьянин оказался «крепок» не только земле, но и помещику. Конечный вывод Сперанского таков: закрепощение крестьян «основалось сперва обычаем а потом законом, и следовательно состояние сие столь же законно, как и все другие»[17].

Большое место проблема крепостного права занимала во взглядах и деятельности славянофилов. Они касались этой проблемы во многих своих произведениях, письмах, различного рода записках постольку, поскольку допускали это цензурные условия.

Считая крепостное право «мерзостью», «глубокой и страшной язвой», «делом возмутительным» и т. д., славянофилы, как и многие другие общественные деятели и ученые середины XIX в., пытались выяснить, когда, как и в силу каких причин оно появилось на Руси. Наиболее полно их точка зрения по этой проблеме изложена в докторской диссертации И.Д. Беляева «Крестьяне на Руси».

И.Д. Беляев был крупным русским историком позапрошлого столетия. Его работа «Крестьяне на Руси», опубликованная в 1860 г., была первым фундаментальным трудом по истории крестьян. В ней освещается эпоха со времен Киевского государства до XVIII в. Написав свою работу в период подготовки крестьянской реформы, Беляев стремился дать в ней ответы на жгучие вопросы современности.

Всю историю крестьян Беляев подразделил на три периода. Первый период – с древнейших времен до конца XVI в. На этом этапе крестьяне были людьми вольными, они могли свободно переходить с одной земли на другую и от одного владельца к другому. «Каждый мог поселиться там, где его примут», – писал И.Д. Беляев. Вместе с тем он отметил и ряд ограничений, затруднявших крестьянские переходы». Одно из них заключалось в согласии феодала или общины на поселение крестьянина. Это ограничение усиливалось по мере уменьшения необработанных, свободных земель. Вторым ограничением было разделение крестьян на тяглых и нетяглых. Тяглый человек мог уйти лишь в том случае, если община его отпустит, или если он даст за себя выкуп. Третьим ограничением являлось назначение для выхода определенного срока в году. Крестьяне, вышедшие не в установленный законом

срок, возвращались на прежние места. Перечислив эти ограничения, Беляев тем не менее утверждал, что в то время все крестьяне были людьми свободными и по закону, и на деле[18].

Рассматривая далее Судебники 1497 и 1550 гг., Беляев считал, что они в сущности не изменили положение крестьян как свободных, полноправных членов русского общества. По его мнению, Судебники законодательно закрепили то, что уже было утверждено обычаем. При этом существовавшее на местах многообразие было сведено к единству, внесена большая четкость и ясность. Установив единые правила, Судебники упростили сам процесс выхода, оградили крестьян от всяких незаконных притязаний землевладельцев и тем облегчили их положение. Даже видимая новизна Судебников – плата за пожилое и за повоз, фактически не была новостью, писал Беляев, так как и прежде крестьянин не мог уйти, не рассчитавшись с землевладельцем. Судебники установили лишь общий порядок и единую цену за пожилое и за повоз. Такого общего определения и общей цены пожилого до этого не было. Все определилось взаимным соглашением арендатора с хозяином. При такой неопределенности условий не обходилось без споров и обид[19].

Таким образом, И.Д. Беляев явно идеализировал так называемый Московский период в истории Русского государства, что вообще было присуще славянофилам. «Грозные государи московские..., – писал он, – были самыми усердными утвердителями исконных крестьянских прав, особенно царь Иван Васильевич постоянно стремился к тому, чтобы крестьяне в общественном отношении были независимы и, согласно с исконными русскими обычаями, имели одинаковые права с прочими классами русского общества»[20].

По мнению Беляева, с конца XVI в. в истории русского крестьянства начался второй период, продолжавшийся до петровских преобразований. В это время в связи с ростом тяглого гнета возникло бегство крестьян на окраины, что в свою очередь привело к запустению земель в центре страны, к расстройству финансовой системы государства. Образовалось неразрешимое противоречие: военные расходы непрерывно увеличивались, а налоговые сборы в связи с бегством крестьян и опустением земель из года в год уменьшались. Это обстоятельство и вынудило правительство прикрепить крестьян к земле. И.Д. Беляев писал: «... крайне расстроенное положение финансовых дел и отягощение народа, наконец, вызвали московское правительство к новой, доселе небывалой мере – к общему прикреплению свободных крестьян к земле. Когда именно, в котором году, состоялась эта новая мера, совершенно изменившая жизнь русских крестьян, мы не знаем, ибо первоначальный указ о прикреплении до нас не сохранился или еще не отыскан»[21].

По предположению Беляева, не отличавшемуся, впрочем, оригинальностью, указ об отмене правил Юрьева дня появился между 1591 и 1592 гг.[22] Беляев считал, что этим указом были прикреплены к земле только те крестьяне, которые состояли в тягле, и «может быть, их дети». Братья же тяглецов, племянники, подсосудки и «вообще вольные люди, жившие за чужим тяглом», оставались свободными, пока кто сам не принимал на себя тягло. «Прикрепление для каждого, – писал Беляев, – начиналось с принятием тягла»[23].

Следовательно, И.Д. Беляев, как и другие сторонники указной теории, возникновение крепостного права в России непосредственно связывал с законодательной деятельностью верховной власти и оправдывал это финансовыми потребностями государства. Он явно грешил против истины, когда заявлял, что отмена Юрьева дня ударила прежде всего по землевладельцам, лишив их возможности сгонять по своему произволу с земли нерадивых работников. Что же касается крестьян, то им жить стало будто бы даже легче «против прежнего времени, ибо платежи податей и отправление повинностей ложились равномернее, а следовательно, были менее тягостны»[24].

Продолжая идеализировать действия московских государей, Беляев утверждал, что прикрепление крестьян к земле не уничтожило их гражданской значимости, не сделало их крепостными. Даже после издания в 1649 г. Соборного уложения они продолжали оставаться

полноправными членами русского общества. Лишь начиная с первой ревизии, писал Беляев, крестьяне мало-помалу стали превращаться в крепостных людей, в безгласную собственность своих владельцев. Полностью завершится этот процесс в царствование Екатерины II[25].

Необходимо заметить, что И.Д. Беляев в своих рассуждениях нередко противоречил сам себе. Настойчиво подчеркивая, что до преобразований Петра I крестьяне являлись «полноправными членами русского общества», он в то же время часто называл их людьми «полусвободными». Например, на странице 90 его работы «Законы и акты, устанавливающие в древней Руси крепостное состояние», говорится: «...благодаря этому указу (1591–1592 гг. – М.Ш.) крестьяне потеряли важное право выхода из полусвободного состояния, и таким образом по закону лишились возможности и права распоряжаться своей личностью»[26]. Говоря далее, что Уложение 1649 г. «окончательно признало крестьян крепкими земле», Беляев заявлял: «Но сим прикреплением по уложению, так же, как и по прежним законам, полусвободные крестьяне не потеряли прав личности не сделались еще безгласной собственностью своих владельцев»[27].

Проблемы происхождения крепостного права касались и представители нарождавшейся в России революционной мысли. Среди них необходимо прежде всего назвать А.Н. Радищева, который первым в русской историографии подошел к объяснению общественных явлений с точки зрения интересов трудящихся, с позиций революционера. В идейном наследии Радищева нет специальных исторических работ, кроме неоконченного «Сокращенного повествования о приобретении Сибири». В центре его внимания находились события новейшего времени. Вместе с тем Радищев глубоко интересовался и древней историей своей страны, для чего он внимательно изучал «Повесть временных лет», «Русскую Правду», читал труды В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, Г.Ф. Миллера. Знание прошлого Радищеву было необходимо для того, чтобы уяснить исторические корни крепостничества и самодержавия, против которых он боролся, и обосновать свою идею революционного преобразования страны.

А.Н. Радищев нигде прямо не говорит о времени возникновения крепостного права в России; по этому вопросу он, видимо, разделял взгляды Татищева и других официальных историков XVIII в. Но Радищев решительно отвергал их доводы, что предки современных крестьян до их закрепощения будто бы являлись безземельным бродячим населением. По его мнению, в древности крестьяне не только обладали политической свободой, но и были собственниками обрабатываемой ими земли. В книге «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищев писал: «Следовательно, в начале общества тот, кто ниву обработать может, тот имел на владение ею права, и обрабатывающий ее пользуется ею исключительно»[28]. Радищев высказал догадку, что главным виновником закрепощения крестьян являлся не бродячий характер их жизни, как утверждали дворянские историки, а класс феодалов, дворяне-помещики, которые при содействии государственной власти захватили землю и подчинили себе жившее на ней население[29]. В результате, писал он, крестьянин теперь не только совершенно лишен земли, «но работая ниву чуждую, зрит пропитание свое зависящее от власти другого»[30].

Вслед за А.Н. Радищевым страстными борцами против крепостного права выступили декабристы. Обладать другими людьми, закладывать, наследовать, дарить и продавать их по своему произволу они называли постыдным делом, противным человеческому разуму и законам естественным. Крепостное право воспринималось декабристами как глубочайшее оскорбление национальной гордости и как основная экономическая причина отсталости России. «Рабство крестьян всегда сильно на меня действовало», – заявил царским следователям П.И. Пестель во время одного из допросов[31]. Горячо любя свою родину, декабристы поставили перед собой задачу избавить ее от ига крепостного права и охранявшего его цар-

ского самодержавия. «Рабство должно быть решительно уничтожено и дворянство должно непременно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми»[32], – гласит программный документ Южного общества декабристов «Русская Правда». «Крепостное состояние и рабство отменяются; раб, прикоснувшийся земли Русской, становится свободным»[33], – записано в проекте Конституции Н.М. Муравьева. В оправдательной записке, посланной на имя Николая I, Н.И. Тургенев отмечал, что главная мысль, которая постоянно владела им и управляла его поступками, заключалась в ликвидации крепостного права. Эта мысль казалась ему «священной и достойной целью всей жизни»[34]. Борьба с крепостничеством и самодержавием была в глазах декабристов великим патриотическим подвигом. Ради достижения поставленной цели они решили принести в жертву все, что имели, даже самую жизнь, не преследуя при этом никаких личных интересов.

Декабристы не только боролись против крепостного права, как реально существовавшего зла, но и стремились осмыслить его истоки, которые, с их точки зрения, ни один официальный дворянский историк, «не исключая и Карамзина, достаточно не уважил и не объяснил»[35]. Вскрывая причины этого явления, Н.И. Тургенев писал: «Если же сия часть истории нашего отечества обработана несовершенно и не в настоящем виде, то сие происходит только от того, что историю пишут не крестьяне, а помещики»[36].

Как и А.Н. Радищев, декабристы отрицали наличие крепостничества в древней Руси. «Предки наши свободные, предки с ужасом взглянули бы на презрительное состояние своих потомков»[37], – заявлял В. Ф. Раевский. Аналогичного мнения по этому вопросу придерживались и другие декабристы. «Беспристрастная история свидетельствует, – писал, например, М.А. Фонвизин, – что древняя Русь не знала ни рабства политического, ни рабства гражданского», что в жизни древних славян «преобладала стихия демократическая – общинная»[38]. В этих высказываниях, а они не были единичным явлением, явно преувеличены демократические черты в общественном устройстве Древнерусского государства. Тем не менее их значение исключительно велико. В них содержался политический заряд большой разрушительной силы, направленный против идеи об извечности и естественности крепостных отношений. А такая идея среди дворян имела тогда очень широкое распространение. Опровержение ее декабристы считали своей первостепенной задачей.

Подчеркивая преходящий характер крепостного права, декабристы решительно отрицали самую законность его. «Ежели это право законное, то что же незаконное?» – резонно спрашивал А.Н. Муравьев у своих оппонентов из лагеря Скалозубов и Скотининых.

Декабристы считали крепостное право явлением относительно позднего происхождения. Они отвергали ссылки на «бродяжничество» крестьян как на причину их закрепощения. Истоки крепостного права декабристы искали в насильственных действиях помещиков и правительственной власти. Однако в силу классовой ограниченности своего мировоззрения и уровня развития современной им исторической науки они не дали да и не могли дать научно обоснованного ответа на вопрос о конкретных путях закрепощения крестьян в России. Их высказывания по этому вопросу отрывочны, лишены единства и в отдельных случаях близки к концепциям, бытовавшим в официальной исторической науке того времени. Так, М.А. Фонвизин в освещении интересующей нас проблемы фактически исходил из построений Густава Эверса. Он связывал начало закрепощения крестьян с нашествием на Русь монголо-татар и произведенной ими в 1257 г. поголовной переписи населения для обложения его данью[39]. Иную точку зрения высказал Н.И. Тургенев в книге «Россия и русские», опубликованной за границей в 1847 г. В этой книге Тургенев писал, что Борис Годунов был первым виновником униженного, рабского состояния русских крестьян. Фатальный закон, навсегда приковавший их к земле, на которой они находились в момент его обнародования, издан в 1593 г. В то же время, чтобы обеспечить исполнение этого закона, была произведена перепись всех крестьян. По мнению Тургенева, текст самого закона не дошел

до нас. Известно только прибавление к нему, опубликованное в 1597 г. и ограничивавшее пятью годами срок, в течение которого можно было требовать возвращения крестьян, покинувших свое местожительство[40].

Следовательно, взгляды Н.И. Тургенева на проблему происхождения крепостного права в России внешне совпадали с указной теорией, выдвинутой Татищевым и обоснованной Карамзиным. Однако, если Татищев, Карамзин и их последователи из числа официальных историков прямо или косвенно не только оправдывали, а и восхваляли крепостнические законы правительства, то Тургенев и другие декабристы стремились заклеить их.

Н.И. Тургенев высказал довольно смелый для его времени взгляд на казенных крестьян, которые официально причислялись тогда к разряду «свободных состояний». Казенных или государственных крестьян разных ведомств он считал такими же крепостными людьми, как и крестьян частновладельческих. Следует «рассеять ложное убеждение, – подчеркивал Тургенев, – что будто бы одно сословие сельских обывателей, водворенных на владельческих землях, есть крепостное»[41]. Исходя из этого, он доказывал необходимость уничтожения как частного, так и государственного крепостного права.

Революционные традиции в русской историографии, заложенные А.Н. Радищевым и декабристами, продолжили В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский и их единомышленники. Они выступили на арену общественно-политической деятельности и в тот период, когда крепостная система переживала глубокий кризис и вопрос о ее ликвидации встал перед Россией во весь свой рост в качестве основной жизненной задачи.

Подобно своим предшественникам в лице Радищева и декабристов, революционные демократы специально не занимались научным исследованием проблемы происхождения крепостного права, которое А.И. Герцен называл «гнусным, позорным, ничем не оправданным рабством»[42]. Все их помыслы, сила и энергия были направлены на освобождение народа от тяжких цепей этого рабства и охранявшего его царского самодержавия. Если же они и касались истоков крепостничества, то лишь в такой мере, в какой это диктовалось практическими потребностями революционной борьбы.

Будучи солидарными в общей оценке крепостного права и в необходимости его решительного уничтожения, революционные демократы имели и некоторое различие во взглядах на отдельные стороны этой проблемы. Так, В.Г. Белинский сущность крепостного права сводил к отмене правил Юрьева дня и связывал это с именем Бориса Годунова. По его мнению, именно Годунов явился автором увековеченной русской пословицей «нововведения»: «Вот тебе, бабушка, Юрьев день!» Явно преувеличивая роль личности в истории, Белинский не смог разобраться во всей сложности социально-экономических процессов, породивших в свое время крепостное право. Он излишне оттенял своеобразие исторического развития России. «... до Годунова, – писал Белинский, – у нас не было крепостного сословия, и в этом отношении не мы у Европы, а Европа у нас могла бы с большою для себя пользою позаимствоваться. Вместо крепостного права у нас было только поместное право – право владеть землею и обрабатывать ее руками пролетариев, на свободных с ними условиях, обратившихся в обычай»[43].

Однако ошибочные представления по вопросу об истоках крепостничества не помешали В.Г. Белинскому стать непримиримым его противником. Крепостное право он считал «вредным» для России как в прошлом, так и в настоящем, и всю свою жизнь посвятил самоотверженной борьбе с ним.

По сравнению с В.Г. Белинским в решении ряда аспектов проблемы закрепощения крестьян ближе к истине подошел А.И. Герцен. Правда, и Герцену в поисках истоков крепостничества не удалось избежать широко распространенного в его время заблуждения, что в отдаленном прошлом Россия якобы была страной совершенно иного склада, чем государства

Западной Европы. Древняя и удельная Русь представлялась ему в виде федерации земель с однородным населением, не знавшим обособленных, привилегированных классов и борьбы разнородных социальных сил[44]. Исходя из этого, Герцен отрицал наличие крепостного права и собственного крестьянского землевладения в Русском государстве того времени. В статье «Крещенная собственность» он писал: «Крестьяне с незапамятных времен селились на частных землях, но крепостными они не были. Отношение их к помещикам было патриархальное, основанное на обычаях, на взаимном доверии»[45]. Подобно многим декабристам, Герцен в этом вопросе сделал шаг назад сравнительно с Н.А. Радищевым.

Необходимо заметить, что вопрос о закреплении крестьян в России Герцен считал одним из наиболее запутанных в русской историографии. «Зачем наш народ попал в крепость, как он сделался рабом» – спрашивал Герцен и отвечал, что «это не легко растолковать»[46].

Герцен не разделял того взгляда, что крепостное право будто бы возникло вдруг как следствие законодательной отмены Борисом Годуновым правил Юрьева дня. По его мнению, закрепощение крестьян в России было длительным и сложным процессом, прошедшим в своем развитии ряд этапов[47]. «Крепостное право, – писал он, – шаг за шагом установилось к началу XVII века и достигло полного развития в «философское» царствование Екатерины II»[48]. Отмечая непрерывный рост крепостничества в XVII-XVIII вв., Герцен видел в этом глубочайшую основу крестьянских войн, периодически потрясавших Россию[49]. А.И. Герцен глубже, чем его предшественники и многие современники, вскрыл классовые корни крепостного права. Всю ответственность за порабощение крестьян в России он возлагал на помещиков, опиравшихся в своих действиях на поддержку верховной власти. В противовес официальным историкам Герцен постоянно подчеркивал органическую зависимость крепостнической политики царского правительства от воли помещиков. «Царизм, сам опиравшийся на неограниченную власть, – писал он, – по необходимости должен был покровительствовать покушению помещиков на права крестьян...»[50]. Или еще: «Крестьянин был обманут, взят врасплох, загнан правительственным кнутом в капканы, приготовленные помещиками, загнан мало-помалу, по частям, в сети, расставленные приказными; прежде нежели он хорошенько понял и пришел в себя – он был крепостным»[51].

Вслед за декабристами А.И. Герцен утверждал, что крепостное право в России лишено каких бы то ни было законных оснований и является вопиющей исторической несправедливостью. Эта мысль особенно ярко оттенена им в первой прокламации, изданной Вольной русской типографией в Лондоне под названием: «Юрьев день! Юрьев день!» На ее страницах Герцен писал: «Всякое дворянство на Западе может сослаться на какие-нибудь слабые, призрачные права владения крестьянами; у нас и тех нет. Не кровью приобрело русское дворянство рабов, а рядом полицейских мер, низким потворством царей, плутнями чиновников и бесстыдной алчностью своих праотцов»[52].

Нам представляется, что стремление доказать противозаконность крепостного права было продиктовано прежде всего тактическими соображениями. Но это стремление вытекало также и из общеисторической концепции Герцена, который в оценке общественных явлений оставался идеалистом и потому не смог понять экономических основ крепостного права. Это было свойственно и другим революционным демократам, в том числе Н.Г. Чернышевскому.

Н.Г. Чернышевский во многом разделял взгляды Герцена на проблему происхождения крепостного права в России. Основным виновником закрепощения крестьян он считал самодержавное правительство. Причем по мере обострения в стране классовых противоречий и углубления революционной ситуации Чернышевский высказывал эту мысль все более четко и определенно. Так, в статье «Суеверие и правила логики» (1859 г.) он писал, что «крепостное право произошло некогда от дурного управления и поддерживалось им»[53]. В прокла-

мации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» (1861 г.) Чернышевский, обращаясь к труженикам земли Русской, указывал: «Да и вас-то в крепостные помещикам все цари же отдали, иных давно, так что вам уже и не памятно, а других не больно давно, так что деды помнят...»[54]. Наконец, в «Письмах без адреса», датируемых 1862 г., Чернышевский заявлял: «Крепостное право было создано и распространено властью, всегдашним правилом власти было опираться на дворянство, которое и образовалось у нас не само собой и не в борьбе с властью, как во многих других странах, а покровительством со стороны власти, добровольно давшей ему привилегии»[55].

Как справедливо заметил В.Е. Иллерицкий, Н.Г. Чернышевский был еще далек от научного понимания соотношения базиса и надстройки и потому несколько преувеличивал роль самодержавия в закрепостительном процессе. Но его высказывания в этом плане имели большое значение. Они наносили удар по ложным концепциям дворянско-буржуазных историков, которые утверждали, что самодержавная власть является надклассовой силой, выражающей общенациональные интересы. Подчеркивая дворянскую сущность русского царизма, Чернышевский рассеивал либеральные иллюзии о возможности действительного, а не мнимого освобождения крестьян сверху и тем самым нацеливал своих единомышленников на революционную борьбу с самодержавно-крепостническим строем[56].

Н.Г. Чернышевский специально не занимался изучением вопроса, когда именно началось закрепощение крестьян в России. Насколько можно судить по его беглым высказываниям, он придерживался в этом вопросе господствовавшей в то время точки зрения. Так, полемизируя с членом Вольного экономического общества статским советником Бланком, Чернышевский писал: «Г-н Бланк, пускаясь в исторические фантазии, воображает, будто бы крепостное право всегда существовало в русской земле; по своему незнанию он смешивает немногочисленных холопов (дворовых служителей), существовавших в старину, с поселянами, которые не имеют с ними ничего общего и прикреплены к земле только уже в конце XVI века, всего каких-нибудь двести шестьдесят лет тому назад»[57].

Такого же по существу мнения придерживался и Н.А. Добролюбов, хотя он и заявлял, что ограничение свободы крестьян началось задолго до формальной отмены правил Юрьева дня в конце XVI в. В рецензии на статью Ю. Жуковского «Общественные отношения в России с точки зрения исторической науки права» Добролюбов писал: «Вотчина могла быть выгодна только при возможности владеть ею обеспеченно, а между тем при возможности перехода крестьян от одного помещика к другому не было никакого обеспечения для владельцев. Отсюда вместе с уничтожением удельной системы начинается со стороны центральной власти ряд мер, противодействующих переходу крестьян и все более скрепляющих союз князей с боярами и всякими служилыми людьми». И далее: «Ограничения перехода видны во многих договорах московских князей; срок перехода определен в XV в. В Судебнике Иоанна III; меры закрепощения являются с конца XVI в.»[58]

В обосновании исторических прав крепостных крестьян на землю существенный интерес представляет точка зрения Н.П. Огарева. В статье «Что нужно народу?» Огарев заявлял: «... теперь и царь и помещики будто забыли, что народ тысячу лет лил пот и кровь, чтобы выработать и отстоять свою землю, и говорят народу: «покупай, мол, еще эту землю за деньги». Нет! Это уж искириотство. Коли торговать землею, так торговать ею тому, кто ее добыл. И если цари и помещики не хотят заодно, нераздельно с народом владеть землей, так пусть же они покупают землю, а не народ, ибо земля не ихняя, а народная и пришла она народу не от царей и помещиков, а от дедов, которые заселили ее во времена, когда о помещиках и царях еще и помину не было»[59].

Остановимся кратко на взглядах Н. В. Шелгунова, который, пожалуй, ближе других революционных демократов конца 1850 – начала 1860-х гг. подошел к правильному решению проблемы происхождения крепостного права в России. Шелгунов настойчиво отвергал

доводы сторонников указной теории из дворянско-буржуазного лагеря о решающей роли законодательства Годунова в закреплении крестьян. Не Борис Годунов, утверждал он, ввел в России рабство, понимая под последним крепостное право. «Рабство, как ком снега, катилось и росло с самого основания Руси и могло обойтись без всякого Годунова»[60]. По его мнению, отменой Юрьева дня Борис Годунов не внес ничего принципиально нового, а лишь продолжил то, что началось задолго до конца XVI в. Это утверждение не потеряло своей теоретической весомости и в наше время, но оно не содержало еще позитивного решения всех аспектов проблемы. Шелгунов не смог до конца преодолеть давление дворянско-буржуазных концепций истории крепостного права. Его высказывания по отдельным вопросам несут на себе следы влияния С.М. Соловьева, что более всего сказалось при истолковании им причин закрепощения крестьян. Вскрывая эти причины, Шелгунов в статье «Россия до Петра I» писал: «То, в чем несправедливо обвиняют Бориса Годунова, сложилось весьма последовательно из понятий, живших много ранее и явившихся вследствие многоземелья, экономического неразвития страны и недостатка средств для покрытия государственных потребностей. Людей вознаграждали за службу тем, что давали им землю. Этим устанавливались сразу отношения между владельцем и невладельцем, богатым и бедным. Поселившийся крестьянин платил землевладельцу натурой или деньгами... Экономической зависимостью крестьянина определялась и его гражданская зависимость от землевладельца»[61].

Так решался вопрос о происхождении крепостного права в России до реформы 1861 г. и в период ее проведения. Указная теория В.Н. Татищева, поставившего впервые на очередь проблему закрепощения крестьян в Московском государстве, получила тогда наибольшее признание.

С опубликованием «Положений 19 февраля 1861 года» роковой узел крепостного права, затягивавшийся на протяжении многих столетий, был разрублен. В этот период жизнь выдвинула много других неотложных задач, требовавших своего решения, и потому вопрос о происхождении крепостного права на время потерял свою былую остроту. Однако по мере того, как все очевиднее стали сказываться отрицательные для народа стороны реформы 1861 г., возрождался и интерес к истории крепостного права. В печати снова стали появляться исследования, посвященные этой проблеме.

Нужно сказать, что в пореформенный период господствовавшая ранее теория указного закрепощения крестьян быстро теряла своих приверженцев. Начиналось победное шествие безуказной теории. Крупнейшим ее представителем был В.О. Ключевский.

По мнению Ключевского, крестьянское крепостное право в России возникло в первой половине XVII в. из холопского крепостного права. В связи с этим Ключевский детально рассматривает вопрос, что представляло собой холопское крепостное право, как первичное крепостное состояние, как оно было привито крестьянству и как затем переродилось в результате пересадки «на новую, чуждую ему почву»[62]. Эта метаморфоза в представлении Ключевского произошла следующим образом. Крестьяне истари вели свое хозяйство на владельческих землях. Крестьян-собственников, сидевших на своей земле во всем Русском государстве не было. За арендуемую землю крестьяне платили поземельный оброк. Если же они брали у владельца подмогу или ссуду, то несли ряд дополнительных повинностей. Но это отнюдь не ущемляло их личной свободы. Крестьяне в любом случае продолжали оставаться свободными арендаторами. Их отношение к землевладельцам определялось свободным договором. С половины XVI в. по необъясненным Ключевским причинам усилилась задолженность крестьян их владельцам. Вследствие этого право Свободного выхода постепенно стало отмирать само собой. Однако уплатив долг, крестьяне могли беспрепятственно оставить одного владельца и перейти к другому. Крепостными же они стали лишь тогда, когда потеряли право возвращать долг господину без его согласия. А этот процесс развивался под влиянием кабального холопства.

Появление кабального холопства на Руси В.О. Ключевский относил к концу XV – началу XVI в., чему «содействовал перелом, совершившийся в народном хозяйстве»[63]. Характер и причины этого перелома он затруднялся объяснить. Для него ясным было одно: в указанный период «произошло нечто такое, вследствие чего чрезвычайно увеличилось количество свободных людей, которые не хотели продаваться в полное холопство, но не могли поддержать свое хозяйство без помощи чужого капитала»[64].

Как известно, в основе кабального холопства лежало заемное обязательство. По Судебнику 1550 г. кабальные холопы состояли в «крепости» у своих господ или заимодавцев только до уплаты долга. Но вот 1 февраля 1597 г. издан специальный указ о кабальных холопах и слугах добровольных. Согласно этому указу, кабальные холопы лишились права уходить от своих господ через выплату долга. Возвращение взятой ссуды совершенно отменялось. Должник обязывался состоять в холопстве до смерти заимодавца[65]. Ключевский считал, что под влиянием этого у землевладельцев стал постепенно утверждаться взгляд и на крестьянскую ссуду как на долговое обязательство, не прекращающееся без их согласия, что крестьянское изделие за подмогу создает такую же личную крепостную зависимость крестьянина от владельца, в какую ставит кабального холопа служба за рост. Этот взгляд окончательно утвердился в первой половине XVII в.

Так в представлении В.О. Ключевского возникло крепостное право в России. Оно сложилось постепенно, в результате роста задолженности крестьян, под влиянием кабального холопства, без вмешательства законодательства. По мнению Ключевского, правительство не принимало никакого участия в закреплении крестьянских масс, оно лишь пассивно созерцало этот процесс.

Характерным для взглядов Ключевского является то, что он ввел в свою концепцию экономический фактор, показывая задолженность крестьян как основу их закрепощения. Причем Ключевский считал, что крестьянская «крепость» носила личный, а не поземельный характер. Прикрепления крестьян к земле он не признавал и исключал его из состава крепостного права. «... мысль связать крепостное право с землей является в законодательстве довольно поздно, уже в последнюю пору существования этого права». На ранних же его этапах, писал он, «крестьянин был крепок землевладельцу не потому, что был прикреплен к его земле; напротив, он всегда мог быть оторван от земли именно потому, что был крепок только землевладельцу»[66].

Благодаря трудам В.О. Ключевского теория безуказного происхождения крепостного права, зарождение которой мы наблюдали в работах Сперанского и Погодина, окончательно оформилась и заняла доминирующее положение в отечественной историографии. Свое дальнейшее развитие она получила в исследованиях М.А. Дьяконова, М.Ф. Владимирского-Буданова, П.Е. Михайлова и др.

Академик М.А. Дьяконов был крупным знатоком истории крестьян Московской Руси. Подобно многим другим буржуазным историкам его времени, он пытался доказать, что закрепощение крестьян в России происходило медленно, а не вдруг, по указу московского государя, как утверждали сторонники указной теории. В основу своего построения Дьяконов положил выдвинутый Ключевским мотив задолженности крестьян и прибавил к нему фактор старожильства. По его мнению, право перехода крестьян отмерло само собой вследствие долговременного пребывания их на одном и том же месте, в результате «застарения». Имеющийся материал, писал он, – «позволяет заключить, что крестьяне-старожильцы, на каких бы землях они ни жили, правом перехода во второй половине XVI в. вовсе не пользуются. Они оказались в положении «непохожих», «заседлых» крестьян и составили первую по времени категорию наших крепостных крестьян»[67].

Конкретно в представлении М.А. Дьяконова процесс крестьянского закрепощения развивался так. Отсутствие средств у обедневших и задолжавших крестьян для того, чтобы расплатиться с землевладельцем, лишало их возможности воспользоваться правом перехода. «А более или менее продолжительное непользование этим правом, – писал он, – повторенное в ряде случаев повседневной жизни, могло дать начало обычаю, в силу которого крестьяне, лишенные возможности воспользоваться правом перехода, стали считаться утратившими это право в силу давности или старины. Так простой факт, многократно повторенный, мог дать начало обычаю, т. е. превратиться в право. Именно таким путем крестьяне старинные или старожильцы образовали первую группу владельческих крестьян, утративших право перехода в силу давности или старины. Это первые наши крепостные крестьяне»[68].

Следует отметить, что категорию крестьян-старожильцев раньше Дьяконова ввел в научный оборот М.Ф. Владимирский-Буданов. Придавая, как и Ключевский, решающее значение крестьянской задолженности в процессе возникновения крепостного права, он в то же время обратил серьезное внимание на фактор старожильства. Для крестьян, писал Владимирский-Буданов, бравших у землевладельцев подмогу деньгами или инвентарем, выход по существу становился невозможным. Крестьянин же, фактически не имевший возможности «воспользоваться правом выхода долгое время, становился «исстаринным» И терял это право навсегда. К XVI в. такой разряд крестьян, фактически прикрепленных, сделался самым многочисленным»[69]. «Прикрепление возникает лишь в силу давности или старожильства крестьян на землях известного владельца»[70], – добавлял Владимирский-Буданов. Но последний не поддержал мнение Ключевского, что крестьянское крепостное право носило личный, а не поземельный характер, и что оно возникло под влиянием кабального холопства. «Нельзя смешивать развитие крепостного (крестьянского) состояния с развитием холопства (полного или кабального). Холопство есть личная зависимость, крестьянство – поземельная. Кабала кончается или с жизнью кабального или с жизнью господина; прикрепление – вечно; кабала есть личная служба во дворе; крестьянство – земледельческая работа, соединенная с отправлением государственного тягла» [71].

Над проблемой старожильства, поставленной в порядок дня Владимирским-Будановым и Дьяконовым, упорно работал их младший современник П.Е. Михайлов. Однако Михайлов не признавал связи старожильства с крестьянской задолженностью, как это делали Владимирский-Буданов и Дьяков. По его мнению, старожильцы стали крепостными в силу своей «домовитости». Старожилец – это прежний вольный арендатор чужой земли. При благоприятном стечении обстоятельств он удачно осел на землю. Земля попала удобная, плодородная, неплохим оказался и хозяин. Этот наиболее счастливый арендатор обзавелся хозяйством, семьей и ему не было никакого смысла покидать свой старый, обстроенный и политый трудовым потом участок и уходить на новый. «Хорошая жизнь была причиной «застарения». Дети такого старожильца еще больше привязывались к данному участку в силу того, что они здесь родились. А затем утвердился обычай, по которому крестьянин, проживший на одной земле столько-то лет, становился старожильцем и автоматически терял право перехода. Обычай постепенно санкционировался писанным законом. Исходя из этого, Михайлов сделал вывод, что «давность, старина жительства привели к «обычному» образованию крепостного права на Руси»[72].

Как уже отмечалось, в 1880-х гг. теория безуказного закрепощения крестьян оформилась во всех своих основных чертах и стала господствующей. Но и указная теория все еще продолжала существовать. Она нашла в то время авторитетного защитника в лице В. И. Сергеевича. При этом следует заметить, что выпады противников указной теории заставили последователей Татищева – Карамзина усилить архивные изыскания. Однако поиски предполагаемого указа, установившего крепостное право в России, оставались по-прежнему бесплодными. Пытаясь спасти указную теорию от окончательного краха, Сергеевич выдвинул

идею о том, что крепостное право возникло в результате издания правительством не одного, а целой серии указов, имевших своей целью закрепощение крестьян. Первым шагом в этом направлении он считал отмену Юрьева дня в конце XVI в. «Итак, – писал Сергеевич, – не может подлежать никакому сомнению, что в конце XVI века последовало общее распоряжение, отменившее крестьянский выход. Естественным последствием такого распоряжения явились иски о беглых и указы, определяющие сроки возбуждения таких исков... Самый указ, которым крестьяне были лишены своей исконной свободы, до нас не дошел» [73]. По мнению Сергеевича, издание этого указа надо относить не к 1592 г., а к первому или второму году царствования Федора Ивановича [74]. Но отмена Юрьева дня не означала полного или окончательного закрепощения крестьян. Оставались еще урочные годы, которые Сергеевич назвал «последним обломком крестьянской свободы». Он заявлял, что прикрепление конца XVI в. не было полным и безусловным. Беглых крестьян можно было отыскивать только в течение известного срока. Если крестьянин умел укрыться от господина в урочные лета, то не подлежал уже возвращению на прежнее место [75]. Полное закрепощение крестьян, резюмировал свои соображения В.И. Сергеевич, совершилось только в середине XVII в. «в силу распоряжения двух памятников последовавших почти одновременно: писцового наказа 1646 года и Уложения (1649 – М. Ш.)» [76].

На исходе XIX столетия в борьбе двух концепций теория Ключевского – Дьяконова о безуказном закрепощении крестьян одержала победу. В 1895 г. один из сторонников этой теории С.М. Адрианов на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» писал: «Гипотеза об указе 1592 или 1584 года подобна смоковнице, у корня которой уже лежит секира. Мощные удары Аксакова, Погодина, Ключевского и Дьяконова настолько подрубали ее, что теперь достаточно небольшого усилия, и все дерево с шумом рухнет» [77]. Однако «дерево» так и не рухнуло. Торжество сторонников безуказной теории оказалось преждевременным. У этой теории были свои весьма уязвимые места. В самом деле если защитники указной теории абсолютизировали роль государства, превращали его в главную движущую силу исторического процесса, в демиурга истории, то приверженцы безуказного закрепощения крестьян ударялись в другую крайность. Переноса центр тяжести на экономические причины, они совершенно игнорировали роль государства, роль верховной власти, как активной силы в процессе возникновения и развития крепостного права. Вот почему, когда в конце XIX – начале XX в. был открыт ряд новых, ранее неизвестных документов о заповедных летах, теория без указного происхождения крепостного права затрещала по всем швам.

Материалы о заповедных летах впервые обнаружил С.М. Адрианов. Разбирая царскую грамоту 1592 г. на Двину «О сыске бежавших из вотчины Никольско-Корельского монастыря исконно-вечных крестьян», он обратил внимание на следующую фразу: «Да и впредь бы есте из Никольские вотчины крестьян в заповедные лета до нашего указа в наши черные деревни не волозили, тем их Никольские вотчины не пустошили». По поводу приведенной фразы Адрианов высказал три различных предположения, но ни одно из них не удовлетворило его и он оставил вопрос о заповедных летах открытым [78].

Материалы, обнаруженные С.М. Адриановым, сыграли роковую роль в дальнейшей судьбе безуказной теории. Опять стала приобретать популярность указная теория в ее новом варианте, в котором решающая роль отводится заповедным летах. Появляются работы Д.М. Одынца и Д.Я. Самоквасова [79], в которых утверждается, что закрепощение крестьян в России произошло в конце XVI в. посредством введения заповедных лет. Так, Самоквасов считал, что крестьяне на Руси были лишены права выхода в основной своей массе еще варяжскими и татарскими завоевателями, а в 1582 г. правительство Ивана Грозного изданием указа о заповедных летах прикрепило к земле последние остатки вольных людей среди сельского населения [80].

Необходимо подчеркнуть, что с момента опубликования работ Д.М. Одынца и Д.Я. Самоквасова проблема заповедных лет на многие годы оказалась в центре внимания исследователей, занимающихся историей крестьянского закрепощения.

Сторонники безуказной теории, в том числе М.А. Дьяконов, П.Е. Михайлов, С.М. Адрианов пытались примирить новооткрытые материалы со своими старыми построениями. Но это не имело успеха. Роль верховной власти в издании указа о заповедных летах была слишком очевидна. Становилось ясно, что необходимо заново пересмотреть весь комплекс вопросов, связанных с происхождением крепостного права.

В конце XIX – начале XX в. появился ряд новых специальных работ, посвященных проблеме возникновения крепостного права. Особенно много таких работ было опубликовано в ходе и после первой русской буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. В это время выходят в свет исследования Н.А. Рожкова, С. Князькова, М.А. Дьяконова, П.Е. Михайлова, П.И. Беляева, Н.П. Павлова-Сильванского и других авторов. Немало статей по истории крепостного права было напечатано в юбилейных сборниках, изданных в 1911 г. в связи с пятидесятилетием крестьянской реформы. Однако и в этих работах историки по существу продолжали оставаться на прежних позициях. Только в весьма редких исследованиях, опубликованных в указанное время, можно обнаружить определенный отход от традиционных взглядов. В этой связи обращает на себя внимание книга М.А. Литвинова, вышедшая в 1897 г. под названием «История крепостного права в России». Взгляды автора названной книги базируются на следующих исходных посылах: 1. Крепостной порядок в России своими корнями уходит в ту эпоху, когда появилось неравенство между людьми, а последнее возникло в доисторические времена. 2. На ранних этапах русской истории крепостные отношения, т. е. отношения «между землевладельцем и мелким собственником... не были закреплены никаким писанным законом. Это было время господства обычного права или неписанного закона». 3. Государственная власть не только утверждает в законодательном порядке то, что давно выработано местной жизнью, но и «сама вводит некоторые изменения в существующий порядок вещей и сама создает новые юридические нормы и понятия»[81]. Такой подход к решению проблемы был новым явлением в дореволюционной дворянско-буржуазной историографии.

К рассмотренной работе М.А. Литвинова близко примыкает по своему содержанию статья М. К. Любавского «Начало закрепощения крестьян», опубликованная в первом томе юбилейного сборника «Великая реформа». Как и Литвинов, Любавский утверждал, что в эпоху Киевской Руси предки крестьян – смерды, наряду с князьями, боярами и церковными учреждениями, являлись обладателями «хозяйственных усадеб с пахотными землями и разными угодьями». Но уже в то отдаленное время обозначилась и огромная разница между смердами и другими землевладельцами в экономическом и в правовом положении. «Смерды составляли ту самую народную массу, которая была подвластна князьям, которую они обложили различными даяниями и «уроками», различными повинностями в свою пользу», – писал Любавский. И далее: «Как человек, приносящий князю доход, смерд в некоторых случаях стал уже приравняться к холопу»[82].

Приведенные суждения находятся в контрасте с бытовавшими тогда в дворянско-буржуазной историографии представлениями о крестьянах, которые будто бы до конца XVI в. были, вольными, кочующими с места на место людьми, никогда своей земли не имевшими, а испокон веков арендовавшими ее у феодалов.

Говоря о том новом, что внесли М.А. Литвинов и М.К. Любавский в освещение проблемы происхождения крепостного права, вместе с тем нельзя не отметить и внутреннюю противоречивость, которая присуща их взглядам. Оба автора заметно разошлись с подавляющим большинством дворянско-буржуазных ученых в оценке положения крестьян на ранних этапах истории России и по некоторым другим вопросам. Однако в дальнейших своих

рассуждениях они явно оказались в плену сторонников безуказной теории, полагая, что главную роль в закрепостительном процессе в конечном итоге сыграли задолженность крестьян и старожильство.

Таким образом, дореволюционные дворянско-буржуазные ученые оказались не в состоянии решить проблему происхождения крепостного права в России. Основную причину этого они видели в недостатке фактического материала, которым располагала историческая наука. «Этот материал, – писал, например, С.М. Адрианов, – крайне скуден, страдает отрывочностью и вынуждает ученого, который желает привести в систему факты, извлеченные из старинных документов, прибегать зачастую к гипотезам и гадательным толкованиям. В силу этого все теории о возникновении крепостного права уподобляются, в большей или меньшей степени, художественному венку, сплетенному из логических построений, который редко радует взор созерцающего его цветом документального доказательства»[83].

Бесспорно, скудость и отрывочность документального материала была и продолжает оставаться серьезным препятствием на пути ученых в решении проблемы происхождения и сущности крепостного права. Однако не в этом заключалась главная причина. Кризис дореволюционной дворянско-буржуазной исторической науки явился закономерным следствием идеалистичности ее исходных методологических позиций. Идеалистическое мировоззрение дворянско-буржуазных, исследователей не справилось с вопросами генезиса многих явлений на Руси, в том числе и с проблемой закрепощения крестьян.

В противовес дворянско-буржуазным и либерально-народническим концепциям и в ожесточенной борьбе с ними с 80-х гг. прошлого столетия в России начала формироваться марксистская историческая мысль основой которой является учение об общественно-экономических формациях, о классах и классовой борьбе. Основоположники этого учения К. Маркс и Ф. Энгельс не оставили камня на камне от господствовавших ранее субъективно-идеалистических и надклассовых теорий, рассматривавших явления общественной жизни как хаос случайностей или как результат развития идей и деятельности отдельных выдающихся личностей. Они неопровержимо доказали, что история человеческого общества есть единый во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесс, определяющую роль в котором играет способ добывания средств, необходимых для существования людей, или способ производства материальных благ.

Опираясь на учение К. Маркса и Ф. Энгельса, В.И. Ленин еще до победы Октябрьской социалистической революции заложил прочный фундамент научного понимания истории нашей страны. Он дал классический образец диалектико-материалистического анализа и оценки многих общественных событий и явлений, в том числе и тех, которые непосредственно связаны с рассматриваемыми нами вопросами. Остановимся на некоторых из них.

В. И. Ленин очень часто в своих произведениях употреблял термины: «феодализм», «крепостничество», «крепостное право». Какое содержание он вкладывал в эти термины? Первое, что необходимо отметить: В.И. Ленин никогда не отделял феодализм от крепостничества, не противопоставлял их. Он вкладывал в эти термины одно и то же содержание. В работах В. И. Ленина феодализм и крепостничество всюду фигурируют как понятия однозначные, как синонимы, как определения одной и той же системы производственных отношений. Вот лишь некоторые из его высказываний. В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В.И. Ленин говорит о переходе «от крепостнического, феодального способа производства к капиталистическому»[84]84. В статье «По поводу юбилея» В.И. Ленин высказывается еще более определенно: «Положение 19 февраля есть один из эпизодов смены крепостнического (или феодального) способа производства буржуазным (капиталистическим)»[85]. В лекции «О государстве» у В. И. Ленина есть такие слова: «В России в 1861 году тоже произошел переворот, последствием которого была смена одной формы общества другой – замена крепостничества капитализмом...» В этой же лек-

ции в числе «крупных периодов человеческой истории» В.И. Ленин назвал «рабовладельческий, крепостнический и капиталистический»[86].

Возникает вопрос: применительно к какому периоду в истории России В.И. Ленин отождествлял феодализм и крепостничество, ставил между ними знак равенства? А.Г. Маньков высказал предположение, что такое отождествление В.И. Ленин делал лишь применительно к XVII–XIX столетиям[87]. Пожалуй, аналогичная точка зрения содержится и во «Введении» к разделу «Феодализм», помещенном в первом томе 12-ти томной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней». В этом «Введении» академик Б.А. Рыбаков писал: «В России феодализм, как это показано В.И. Лениным, длился тысячу лет – от IX до XIX в. На своих начальных стадиях феодализм был прогрессивным общественным строем, несравненно более передовым, чем первобытно-общинный, и более гуманным, чем рабовладельческий строй. К концу своей тысячелетней истории феодализм принял жестокие формы крепостничества, порою близкого к рабовладению»[88]. Как понимать это высказывание Б.А. Рыбакова? Если в древней и средневековой Руси не было крепостничества, то надо признать, что не было тогда и крепостного права. Существовал феодализм и феодальная зависимость крестьян, закрепленная нормами обычного права и писанными законами, а крепостное право как таковое отсутствовало. Оно возникло лишь на последних этапах в истории феодализма. Но чем отличалась феодальная зависимость крестьян от крепостнической? Было ли между ними какое-либо различие и как его уловить? Наконец, можно ли вообще представить феодализм без «крепости» крестьян, какой бы степени она ни была, по отношению к земле и феодалам? С этими, вопросами попытаемся разобраться в следующей главе. Сейчас же заметим, что Б. А. Рыбаков в приведенной выше цитате ссылается на работу В. И. Ленина «Левонародничество И марксизм». Между тем у В.И. Ленина в названной работе говорится: «И крепостничество и капитализм гнетут рабочего и стремятся удержать его в темноте. Но крепостничество может удержать и веками держит миллионы крестьян в забитости (например, в России с IX по XIX век; в Китае еще больше столетий)»[89]. Исходя из этого, очевидно, можно утверждать, что возникновение крепостничества В.И. Ленин относил не к XVII в. и не к концу «тысячелетней истории феодализма», а к IX в., т. е. ко времени образования Древнерусского государства.

Напрашивается второй вопрос: почему В.И. Ленин одну и ту же систему общественных отношений, один и тот же способ производства обозначал двумя терминами – «феодализм» и «крепостничество»? Определенную, а может быть и решающую роль, как полагают некоторые советские исследователи, здесь сыграли тактические соображения. Дело в том, что современная В.И. Ленину университетская дворянско-буржуазная историческая наука отрицала наличие феодализма в истории России. Лишь в начале XX в. Н.П. Павлов-Сильванский попытался обосновать тождество порядков, существовавших в средние века в Западной Европе и в нашей стране. Павлов-Сильванский считал, что и Россия в своем развитии прошла феодальную стадию, однако феодализм он понимал не как способ производства, а как определенную систему правовых отношений, как определенный политический строй государства. По его мнению, основными чертами феодализма являются раздробленность верховной власти и вассальная иерархия. Страна, расчлененная на множество независимых и полунезависимых владений, писал он, связывалась до некоторой степени в одно целое переплетающейся сетью вассальных договоров между этими владениями[90]. Исходя из такого понимания сущности феодализма, Павлов-Сильванский искусственно ограничивал его хронологические рамки применительно к России XII–XV веками, т. е. периодом феодальной раздробленности.

Вслед за Н.П. Павловым-Сильванским с аналогичным призыванием феодализма на Руси выступили Д.Я. Самоквасов, П.И. Беляев, П.Н. Милюков. Причем Милюков заявлял, хотя

феодализм и существовал в России в удельный период, но он был выражен гораздо слабее, чем в странах Западной Европы [91].

Короче говоря, вопрос о том, был в России феодализм или его не было, если был, то когда и в чем его сущность – продолжал оставаться спорным, дискуссионным. Что же касается терминов: «крепостничество», «крепостное право», то их содержание было хорошо понятно тогдашнему читателю. В аграрной программе русской социал-демократии, писал В.И. Ленин, имеются требования, направленные «против крепостников-помещиков (против феодалов, сказал бы я, если бы вопрос о применимости этого термина к нашему помещичьему дворянству не был таким спорным вопросом)»[92].

Нам представляется, что употребляя два термина для обозначения одной и той же системы хозяйства, В.И. Ленин руководствовался не только соображениями тактики. Вероятно, в его понимании русский термин «крепостничество» более точно и глубоко выражал основную сущность той общественно-экономической формации, которая предшествовала капитализму и для обозначения которой в западноевропейской литературе употреблялось латинское слово «феодализм».

Далее, в советской исторической литературе крепостничество нередко отождествляется с крепостным правом. В.И. Ленин не ставил знака равенства между ними. Он считал, что это различные понятия, хотя и тесно связанные друг с другом. Как уже отмечалось, под крепостничеством В. И. Ленин понимал определенный тип общественных отношений и относил его к базису. Крепостное же право он называл «учреждением юридическим», которое возникло и развивалось как явление надстроечное. Следовательно, крепостничество или крепостнические производственные отношения составляют основу крепостного права, которое является их юридическим выражением, но не сводится к ним. Заметим, что только один раз в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В.И. Ленин определил крепостное право как форму хозяйства[93]. Во всех же последующих его работах крепостное право фигурирует как надстроечное явление, порожденное определенным общественным строем и органически связанное с ним.

В своих произведениях В. И. Ленин касается и наиболее существенных признаков крепостного права. По его мнению, крепостное право предполагает прежде всего прикрепление крестьян к земле, чтобы гарантировать феодалу рабочие руки. В лекции «О государстве» В.И. Ленин говорил: «Основной признак крепостного права тот, что крестьянство... считалось прикрепленным к земле, – отсюда произошло и самое понятие – крепостное право»[94]. Но этим не исчерпывается сущность крепостного права. Вторым основным его признаком, несомненно, была личная зависимость крестьян от феодалов или так называемое внеэкономическое принуждение. «Если бы помещик, – писал В. И. Ленин, – не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство»[95].

В.И. Ленин нигде прямо не говорит о времени зарождения крепостного права в России. Исходя же из отождествления им крепостничества с феодализмом, можно предполагать, что начало закрепощения крестьян он относил к периоду становления на Руси феодализма и образования Древнерусского государства.

Труды В.И. Ленина знаменуют собой начало качественно нового этапа в изучении проблемы крепостного права и составляют основу советской исторической науки. Однако не сразу после победы Октябрьской революции они были усвоены и взяты на вооружение всеми учеными. Для этого требовалось время. Процесс утверждения марксистско-ленинского понимания истории был длительным и сложным. Он протекал в острой борьбе с буржуазной и мелкобуржуазной идеологией, которая, разумеется, не исчезла автоматически на второй день после установления Советской власти, а продолжала существовать и упорно отстаивала свои позиции. На протяжении ряда лет в той или иной степени сказывалось ее

влияние, в той или иной форме обнаруживались ее рецидивы в самых различных областях исторического познания, в том числе и в трактовке проблемы происхождения крепостного права.

В первые годы Советской власти продолжали еще бытовать теории и концепции, которые были выдвинуты дореволюционной университетской наукой. Появились работы С.Ф. Платонова, А.Е. Преснякова, С.И. Тхоржевского, И.М. Кулишера, С.Б. Веселовского и некоторых других авторов, которые подходили к проблеме происхождения крепостного права по существу со старых методологических позиций. Так, в 1921 г. С.Ф. Платонов опубликовал книгу «Борис Годунов». В ней он писал: «Еще при Грозном московская власть сочла необходимым вмешаться в «крестьянскую возку». Грозный дал какое-то, точно нам неизвестное «уложение» против вывоза и установил «заповедные лета», в течение которых был запрещен вывоз и выход крестьян и посадских тяглецов»[96]. По мнению Платонова, правительство Бориса Годунова наследовало от Ивана Грозного установленные им «ограничительные меры», продлило их действие и вместе с тем внесло в них некоторые «новшества». Одним из таких «новшеств» автор книги считал указ 1597 г. о пятилетнем сроке давности для розыска убежавших крестьян. Он предполагал, что этот указ, очевидно, смягчил «применение меры, установившей «заповедные лета». Нарушивший «заповедь» и убежавший в неуказанные «лета» крестьянин получал возможность остаться на новом месте, если со времени его ухода истекло пятилетие. В 1601–1602 гг. последовали новые указы в ограничение, по-видимому, тех же «заповедных лет»[97].

Рецензент В.Г. Гейман в № 8 «Русского исторического журнала» за 1922 г. весьма восторженно отозвался о книге Платонова «Борис Годунов». Он писал, что на немногих страницах, посвященных вопросу крестьянского прикрепления, Платонов путем привлечения данных о заповедных летах создал «поразительную по легкости и стройности конструкцию». К чести рецензента, от его внимания не ускользнули и слабые стороны концепции Платонова, ее уязвимые места. «Созданная академиком Платоновым историческая конструкция, – отмечал он, – при всей своей увлекательности, имеет, однако, сторону, не совсем закрытую от нападений. Мы разумею то обстоятельство, что в распоряжении исследователей имеется слишком мало материала для суждения о заповедных летах, что вся картина сложена автором из осколков, иногда даже из одних намеков, что, потому, нет уверенности в прочности ее»[98].

В 1923 г. С.Ф. Платонов издал еще одну книгу под названием «Иван Грозный (1530–1584)». Однако и здесь начало закрепощения крестьян он поставил в прямую связь с «уложением» Ивана Грозного о заповедных летах. Платонов писал: «К сожалению, не сохранилось точного текста этого «уложения» Грозного, но оно во всяком случае существовало и по сути своей представляет собой первое, условное и временное, ограничение свободы крестьянского выхода, до тех пор признаваемой московским правительством»[99].

Таким образом, отказываясь от ключевско-дьяконовской концепции происхождения крепостного права, которой С.Ф. Платонов придерживался раньше, он перешел на позиции сторонников указной теории. По существу аналогичного взгляда на роль заповедных лет в истории возникновения крепостного права придерживался в то время и А.Е. Пресняков[100].

Другая группа историков старой школы, в частности С.И. Тхоржевский и особенно И.М. Кулишер, отстаивала точку зрения о безуказном закрепощении крестьян. Например, Кулишер вслед за Ключевским и Дьяконовым первостепенную роль отводил крестьянской задолженности и институту старожильства. В 1924 г. он писал, что значение задолженности крестьян землевладельцам в процессе формирования крепостного права, выдвинутое Ключевским, «в настоящее время может считаться общепризнанным»[101].

Следует заметить, что в начале 1920-х П. дореволюционные дворянские и либерально-буржуазные концепции происхождения крепостного права в России с некоторыми

модификациями были восприняты и определенной частью молодых советских историков. В то же время предпринимались попытки подойти к освещению проблемы закрепощения крестьян по-новому, с марксистско-ленинских позиций. В этой связи существенный интерес представляют взгляды М.Н. Покровского, научная деятельность которого началась задолго до октябрьской революции и продолжалась в годы Советской власти.

В представлении М.Н. Покровского, закрепостительный процесс развивался следующим образом; в конце XV – первой половине XVI в. в Русском государстве усиленно распространялось поместное землевладение. Одновременно совершался переход от архаических форм земледелия – подсеки и перелога к более интенсивной сельскохозяйственной культуре – трехпольной системе полеводства. А это имело своим следствием важные перемены в жизни крестьянского населения. «При подсечном хозяйстве, – писал Покровский, – не было ни смысла, ни возможности долго удерживать крестьян на одном месте: выпав все, что можно было, в лесу, земледельческое население, в силу условий хозяйства, должно было уйти в другое место. При перелоге, это оказалось уже возможно, при трехполье – даже необходимо. Переход к более интенсивным формам культуры создавал, таким образом, для владельцев и интерес и возможность не только на время подчинить себе крестьянина, но привязать его к земле надолго, по возможности навсегда»[102].

Таким образом, в основе закрепощения крестьян, по мнению Покровского, лежал прогресс сельскохозяйственного производства, переход к трехпольной системе полеводства. «Русского крестьянина, – писал он, – закрепостило трехполье, то трехполье, которое и до днесь является традиционной формой русского земледелия. Это отвечает нам на вопрос, откуда, экономически, взялось крепостное право»[103].

М.Н. Покровский правильно подчеркнул огромное значение экономического фактора в возникновении крепостного права, но его взгляды на роль государства в этом процессе не отличались большой определенностью и устойчивостью. Он считал, что на первых порах помещики, удерживая крестьян за собой, ссылались на старину, как на непререкаемое основание, затем, очевидно, были введены заповедные лета, запретившие крестьянский выход. В конечном итоге точной формулировки своих взглядов по вопросу происхождения крепостного права М.Н. Покровский так и не дал.

Нельзя не согласиться с теми авторами, которые утверждают, что становление марксистского представления о происхождении крепостного права в России в значительной мере связано с трудами Б.Д. Грекова[104]. Будучи вначале историком старой школы, Б.Д. Греков в результате овладения диалектико-материалистическим методом познания общественных явлений сформировался в крупного историка-марксиста.

Вопросами истории крестьянства, крепостного права и крепостничества Б. д. Греков занимался очень много и плодотворно. При этом его взгляды, разумеется, не оставались неизменными: они постоянно уточнялись обогащались новыми аргументами и выводами. В 1920-х гг. он написал ряд работ, в том числе статью «Юрьев день и заповедные годы», в которой законодательство второй половины XVI в. автор попытался тесно связать с процессами, происходившими в то время в хозяйстве страны[105]. Это был шаг вперед. Но названная статья, опубликованная в 1926 Г., посвящена сравнительно узкому вопросу – заповедным летам, и не решала проблему в целом.

Спустя четыре года вышла в свет новая работа Б.Д. Грекова «Происхождение крепостного права в Россию». Здесь автор переходит к более широкой постановке вопросов. Основное его внимание сосредоточено на опровержении господствовавшего в дореволюционной университетской науке мнения о крестьянах средневековой Руси, как свободных арендаторов чужой земли. Не следует преувеличивать крестьянской свободы до законодательной отмены Юрьева дня, заявлял Греков. Автор показывает многостороннюю зависимость кре-

стьян от феодалов и в ту пору, «когда право крестьянского выхода еще всеми буквами стояло начертанным в обоих наших судебныхниках»[106]. «Крестьянин, писал он, – есть зависимый от феодала человек». Эта зависимость выражалась в его «обязанности давать владельцу часть своего труда натурой, продуктами или деньгами и находиться под его властью административной, финансовой и судебной»[107]. Автор отрицает доводы тех, кто главную причину закрепощения крестьян видел в их задолженности владельцам земли. Он подчеркивал, что хотя на определенном этапе исторического развития России и существовало правило Юрьева дня, но условия выхода для редких крестьян были по силам даже без всякой задолженности и мало кто из них мог выполнить эти условия без посторонней помощи. В результате выход вытеснялся и заменялся вывозом[108].

В рассмотренной нами работе Б.Д. Грекова бросается в глаза и известная неопределенность в трактовке некоторых аспектов проблемы. Так, в заключительной части своего исследования автор пишет: «Вопрос о прикреплении крестьян возник в момент разложения старых феодальных отношений и замены их новыми». Спрашивается, в чем конкретно выражалось разложение «старых» феодальных отношений и что следует понимать под «новым» феодальным строем? В этой связи необходимо подчеркнуть, что в 20-е гг. у отдельных советских историков отсутствовала необходимая ясность в понимании феодализма как общественно-экономической формации. Особенно большой спор вызывал вопрос о характере крепостного хозяйства России XVII–XVIII вв., которое нередко отрывалось от феодализма и противопоставлялось ему. Так, А.Е. Пресняков в 1926 г. в рецензии на книгу С.Б. Веселовского «К вопросу о происхождении вотчинного режима» заявлял, что в России в XVI в. произошла смена средневекового феодального хозяйства новой формой сельскохозяйственного труда – хозяйством крепостным. Он считал недопустимым смешение понятий «феодального строя» и «крепостного режима» в связи с их бы принципиальными различиями и по типу «хозяйственных отношений, и по классовой структуре, и по выраставшей из них государственности»[109]. Такого же мнения придерживались в то время и некоторые другие исследователи, в частности С.М. Дубровский, опубликовавший в 1929 г. специальную книгу «К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала».

С.М. Дубровский выделял крепостничество в отдельную общественно-экономическую формацию, принципиально отличную от феодализма и занимавшую в порядке исторической последовательности промежуточное место между феодализмом и капитализмом. Главное различие между феодализмом и крепостничеством он усматривал в том, что феодальная формация будто бы покоилась на ренте продуктами, а в основе крепостничества лежала барщина. Господство барщинного хозяйства Дубровский считал самым существенным признаком крепостнической формации. «Крепостничество, – писал он, – имеет особый, присущий ему, отличный от феодализма способ высасывания прибавочного труда из непосредственного производителя, именно форму отработочной ренты, в отличие от ренты продуктами, которая характерна для феодализма»[110]. Исходя из такой предпосылки, Дубровский пришел следующим выводом:

1. При феодализме крестьянин свободен, при крепостничестве – закрепощен. Господство барщины привело к возникновению крепостного права.

2. Государственная власть при феодализме децентрализована, а при крепостничестве господствует абсолютная монархия, диктатура крепостников. «Со стороны политической, – писал Дубровский, – феодализм отличается децентрализацией власти, сосредоточением у отдельных феодалов функций госвласти. Крепостничество отличается централизацией власти, оно характеризуется абсолютной монархией, осуществляющей диктатуру крепостников»[111].

3. Классы феодального и крепостного общества и классовые отношения в этих обществах в корне различны. Выступая на заседании социологической секции Общества историков-марксистов в мае 1929 г., С.М. Дубровский заявил, что «в России феодализм благополучно разрушился в XVI в. и родился новый класс – класс помещиков, который вступил в борьбу со старым классом – боярством... Бояре и крепостники – это разные классы... Крепостники – это тот класс, который сверг феодалов и который в опричнине утвердил диктатуру крепостников»[112].

На рубеже 1920-1930-х гг. состоялся ряд дискуссий: о «Народной воле», о характере финансового капитала и особенностях русского империализма, о характере крестьянских войн и по некоторым другим проблемам. Особенно большое значение имела дискуссия об общественно-экономических формациях, учение о которых является краеугольным камнем марксистско-ленинского понимания закономерностей исторического процесса. Она протекала преимущественно в форме критики положений, выдвинутых С.М. Дубровским в его книге «К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала». Материалы дискуссии публиковались в периодической печати того времени.

Значительная часть историков отвергла тезис С.М. Дубровского о крепостном строе как особой общественно-экономической формации. В то же время в ходе дискуссии высказывалось ошибочное мнение, что крепостничество относится к феодализму как империализм к промышленному капитализму, т. е. что крепостничество является последней стадией в развитии феодализма. Некоторые участники дискуссии, в частности А. Малышев, объявили крепостничество XVI-XVIII вв. «своеобразной формой разложения феодализма» и проникновения в сельское хозяйство капитализма, результатом воздействия на феодальную экономику товарно-денежных отношений, связанных с начальной стадией развития промышленного капитализма[113].

Историки, придерживавшиеся таких взглядов, сильно преувеличивали уровень развития экономики Русского государства в XVI в., делали вывод о зарождении денежного хозяйства в ту эпоху, когда его еще не было. Очевидно, здесь сказалось влияние, с одной стороны, Н.П. Павлова-Сильванского, его понимание сущности феодализма, с другой – М.Н. Покровского, рассматривавшего крепостничество как «новый феодализм», т. е. феодализм, приспособленный к начальным стадиям развития капитализма[114]. Правда, М.Н. Покровский не считал крепостничество особой общественно-экономической формацией, квалифицировал его лишь как одну из фаз в развитии феодализма.

Дискуссия об общественно-экономических формациях, разумеется, не привела к решению всех спорных проблем. Многие вопросы остались открытыми. Тем не менее она была важным этапом в утверждении марксистско-ленинского понимания истории человеческого общества. Эта дискуссия явилась своего рода методологическим рубежом в советской исторической науке, в частности в освещении проблемы происхождения крепостного права.

После дискуссии у советских историков складывалось все более четкое представление о механике взаимосвязи крепостного права с определенной системой общественного производства. То, что крепостное право порождено феодализмом, в этом уже, пожалуй, никто не сомневался. Однако в понимании последнего, как показала дискуссия, не все еще было ясно. Становилось очевидным, что без глубокого и всестороннего исследования вопросов, связанных с генезисом феодализма и основными фазами его развития, невозможно решить и проблему происхождения крепостного права.

Проблемой генезиса феодализма на Руси много занимался С.В. Юшков, который уже в 1920-е гг. опубликовал по этой проблеме ряд работ. Работы Юшкова тех лет не свободны от влияния взглядов Павлова-Сильванского и Ключевского, тем не менее они сыграли важную роль в широкой постановке вопроса о феодальных отношениях в Киевском государстве.

В 1932 г. в Академии истории материальной культуры состоял ась дискуссия о рабстве и феодализме в древней Руси. Стержнем этой дискуссии явился развернутый доклад Б.Д. Грекова, в котором были сформулированы основные положения марксистского понимания генезиса феодализма на Руси. Вскоре после дискуссии Греков опубликовал серию работ, посвященных названной проблеме, в том числе «Очерки по истории феодализма в России». В названной работе показывается, как в ходе

«освоения» земли князьями, боярами и церковью ранее свободные общинники – смерды превращались в «зависимых, полукрепостных и крепостных»[115]. «Крестьянская независимость и свобода, – подчеркивал Б.Д. Греков, – несовместимы с феодализмом»[116]. На страницах этой работы высказана мысль, что крепостное право возникло вместе с феодализмом, являясь в сущности его главным атрибутом[117].

В 1940 г. вышла в свет отдельным изданием работа Б.Д. Грекова «Главнейшие этапы в истории крепостного права в России». Оставляя открытыми многие спорные вопросы, она определяла то общее направление, в котором должно вестись изучение истории крепостного права и крепостничества.

Значительной вехой в изучении интересующей нас проблемы явилась фундаментальная монография Б.Д. Грекова «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века», первое издание которой появилось в 1946 г. Написанная на огромном фактическом материале, она представляет собой обобщение всего того, что было сделано в области изучения крепостного права и крепостничества отечественной исторической наукой со времени ее становления. Руководствуясь марксистско-ленинским учением об общественно-экономических формациях, Греков рассматривает крепостное право не как нечто самодовлеющее, а в неразрывном единстве с проблемой возникновения и развития феодализма, как органическое слагаемое феодальной системы, как ее главнейший атрибут. Это позволило автору проникнуть в глубину таких явлений, над раскрытием сущности которых тщетно трудились многие поколения историков[118].

В 1952–1954 гг. монография Б.Д. Грекова «Крестьяне на Руси...» была переиздана в двух томах, а в 1958 г. посмертно опубликован «Краткий очерк истории русского крестьянства». После выхода этих работ казалось, что проблема происхождения крепостного права в России в основном решена и ученые некоторое время не обращались к ней. Но вскоре она опять приковала к себе внимание историков. Научные споры особенно оживились после того, как В.И. Корецким были открыты новые документы с известиями о запрещении в конце XVI в. выхода крестьянам и бобылям. Появились статьи академика М.В. Нечкиной, серия работ В.И. Корецкого и Р.Г. Скрынникова, работы А.Г. Манькова, Г. Н. Анпилогова, В.М. Панеяха и ряда других авторов. В них детально исследованы многие вопросы социально-экономического развития и классовой борьбы в России, в том числе законодательство о крестьянах второй половины XVI и XVII вв. Результаты научных поисков большие, успехи несомненны. И все же извечный вопрос: когда и как произошло крепостное право в России? – по-прежнему остается дискуссионным. Так, в статье М.В. Нечкиной «К итогам дискуссии «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма» была высказана мысль, что на рубеже XVI–XVII столетий феодальные отношения в России «приняли форму крепостного права». Строкой ниже в той же статье говорится, что в указанное выше время в нашей стране произошло деформирование или преобразование «феодальных отношений в крепостные»[119]. Эта точка зрения, предложенная М.В. Нечкиной в 1963 г., не получила признания в советской историографии.

С конца 1950-х гг. проблемой происхождения крепостного права особенно много и продуктивно занимается В.И. Корецкий. Его работы, написанные с привлечением ранее не использованных материалов, содержат немало интересных наблюдений и выводов. Разумеется, не все они в одинаковой мере обоснованы данными источников. Отдельные положения

автора скорее имеют характер предположений, а не научно доказанных истин, и вызывают возражение со стороны других ученых. В публикациях В. И. Корецкого встречаются и противоречивые суждения. Остановимся кратко на некоторых из них.

В ряде случаев В. И. Корецкий утверждает, и нам представляется, совершенно правильно, что закрепощение крестьян было длительным и сложным процессом, протекавшим в нашей стране с IX в. Такого рода утверждения мы находим и в ранних, и в более поздних его работах. Вместе с тем он часто употребляет выражения: «Закрепощение крестьян в конце XVI в.», «Формирование крепостного права в конце XVI в.» и т. п. Трудно сказать, что здесь – неточность словоупотребления или же неопределенность понятия. В самом деле, если считать исходным рубежом в возникновении крепостного права IX в., тогда применительно к концу XVI столетия можно говорить не о «формировании крепостного права» и не о «ходе закрепощения», как отправной или исходной точке процесса, а о дальнейшем развитии крепостного права, об усилении закрепощения крестьян. Столь же часто автор употребляет и другое выражение: «Юридическое оформление в общегосударственном масштабе крепостного права в конце XVI- в.». Между прочим, это выражение не ново, оно давно бытует в исторической литературе и едва ли может быть признано удачным. По нашему мнению, в данном случае речь должна идти о законодательном оформлении не крепостного права, как юридического понятия, а феодальной или крепостнической зависимости крестьян от землевладельцев и ее дальнейшем усилении вследствие издания ряда новых правительственных актов. Далее, вопреки своим утверждениям, что закрепощение крестьян на Руси берет начало с IX в., В. И. Корецкий явно преувеличивает значение правительственного законодательства XVI столетия. В монографии «Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России» он пишет: «В 1581 г. издается указ Ивана Грозного о заповедных летах, в 1592/93 Г. – закон Федора Ивановича о повсеместном запрещении выхода крестьян и учреждении писцовых книг юридическим основанием их закрепощения, а в 1597 г. – указ о пятилетнем сроке сыска беглых. Этими указами – в сочетании с законами о холопах 1586, 1593 и 1597 гг. и был установлен крепостной порядок» [120].

Очень большую, если не доминирующую, роль в истории закрепощения крестьян В. И. Корецкий отводит до сих пор не найденному указу 1592/93 г. царя Федора Ивановича. Однако вывод автора о существовании этого указа и предложенный им опыт его научной реконструкции встретил серьезное возражение со стороны ряда историков. Пожалуй, прав Р. Г. Скрынников, который полагает, что указ 1592/93 г., гипотезу об издании которого впервые высказал В. Н. Татищев, едва ли вообще когда-либо будет разыскан [121].

Приведенный материал, разумеется, далеко не исчерпывает результаты исследования советскими учеными проблемы происхождения крепостного права в России. Ограниченность листа не позволила дать более полный историографический обзор. Но даже то, что было сказано, свидетельствует, как много еще спорных и нерешенных вопросов в рассматриваемой нами проблеме.

Глава II

Ранние этапы в истории крепостного права

1. Зарождение крепостного права и его сущность

Прежде всего необходимо отметить, что термин «крепостное право» возник относительно поздно и потому в памятниках старины не встречается. Его нет ни в «Русской Правде» – сборнике норм древнерусского права, ни в средневековых законодательных актах. Свое происхождение он ведет от слова «крепость», употреблявшегося в России с конца XV в. для обозначения документов, утверждавших право того или иного лица на приобретенную собственность. По отношению к феодально-зависимому частновладельческому населению термин «крепостной» вошел в обиход с середины XVII в., когда стала практиковаться продажа крестьян без земли. В законодательных материалах XVIII столетия правовое положение частновладельческого населения нередко определялось термином «крепостное состояние».

Путем модификации или видоизменения этого последнего в первой половине XIX в. появился термин «крепостное право».

Что же такое крепостное право? Какими отличительными признаками оно характеризуется? В чем его сущность?

Представители дореволюционной науки не уделили должного внимания выявлению содержания указанного термина. Всю многогранную сущность крепостного права они обычно сводили к одному – к отмене Юрьева дня, к потере крестьянами права перехода от одного феодального владельца к другому.

В советской исторической литературе встречается немало вариантов истолкования содержания интересующего нас термина. Возьмем, к примеру, монографию академика Б.Д. Грекова «Крестьяне на Руси...». В ней мы читаем: «Крепостное право в широком смысле термина есть право землевладельца на принудительный труд крестьянина. В более тесном смысле этого термина крепостное право есть самая тяжелая форма зависимости крестьянина от господина, приближающаяся к состоянию рабства»[122]. Думается, что формулировка, предложенная Б.Д. Грековым, не выражает всей сущности крепостного права. Во-первых, землевладельцы-феодалы имели право не только на принудительный труд крестьянина, но также на его личность и имущество. Во-вторых, к состоянию рабства крепостное право приблизилось лишь на последнем этапе своего существования, но оно не было таковым на ранних стадиях феодализма в России.

А вот как определяется крепостное право в «Советской исторической энциклопедии»: «Крепостное право – высшая степень неполной собственности феодала на работника производства. Иногда в литературе под крепостным правом понимается всякая форма феодальной зависимости»[123]. Что можно сказать об этом определении? Рассмотрим первую его часть: «Крепостное право – высшая степень неполной собственности феодала на работника производства». Как это понимать? Естественно предположить, что «высшей степени» предшествовала низшая и средняя, при которых был феодализм и феодалы, существовала неполная собственность последних на работников производства, а крепостное право отсутствовало. Оно возникло лишь тогда, когда собственность феодалов на крестьян достигла не совсем понятной для нас «высшей степени». Во второй части рассматриваемого определения крепостное право отождествляется со всякой формой феодальной зависимости. Нам кажется, что это также не раскрывает сущности крепостного права, как юридического явления, имев-

шего в основе определенный общественный строй. Крепостное право и феодальная зависимость не одно и то же: первое является лишь юридическим выражением последней и не может быть сведено к ней.

Нельзя признать удачной формулировку крепостного права в третьем издании Большой Советской Энциклопедии, где говорится: «Крепостное право – совокупность юридических норм феодального государства, закреплявших наиболее полную и суровую форму крестьянской зависимости при феодализме. Крепостное право включало запрещение крестьянам уходить со своих земельных наделов (так называемое прикрепление крестьян к земле или «крепость» крестьян земле; беглые подлежали принудительному возврату), наследственное подчинение административной и судебной власти определенного феодала, лишение крестьян права отчуждать земельные наделы и приобретать недвижимость, иногда – возможность для феодала отчуждать крестьян без земли»[124].

Приведем еще одно определение крепостного права, которое дано В.И. Корецким. В монографии «Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России», изданной в 1975 г., автор пишет: «Термин «крепостное право» употребляется в исторической литературе в двояком смысле: в широком – как система феодальной эксплуатации, утвердившейся еще в Киевской Руси, и в узком – как особый этап в процессе крестьянского закрепощения, когда рядом законов централизованного, а затем абсолютистского государства была провозглашена практически неограниченная власть господ над крепостными»[125].

Таковы наиболее распространенные расшифровки термина «крепостное право», встречающиеся в исторической литературе. Как видим, каждый ученый по-своему определяет его содержание, причем эти определения или не совсем точно раскрывают объективный смысл явления, или неполны, или же слишком громоздки и расплывчаты. Очевидно, лишь этим можно объяснить тот факт, что ни одно из бытующих определений сущности крепостного права не получило всеобщего признания в науке.

Попытаемся и мы сформулировать свое понимание поставленной проблемы. В нашем представлении, крепостное право – это освещенное обычаями и санкционированное нормами писанного закона право феодалов на личность, труд и имущество непосредственных производителей, наделенных средствами производства и ведущих личное хозяйство. Другими словами, крепостное право есть юридическое выражение несвободы непосредственных производителей, их феодальной зависимости от владельцев средств производства, прежде всего собственников земли. Принадлежа к надстроечным явлениям, крепостное право порождено феодальным общественным строем и является его главнейшим атрибутом. Феодализм и крепостное право неотделимы. Именно в крепостном праве реализовалась возможность владельцев средств производства получать с непосредственных производителей феодальную ренту в ее самых разнообразных формах. К. Маркс в третьем томе «Капитала» писал, что феодал мог выжать прибавочный продукт из непосредственных производителей-крестьян «только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее», что при этом «необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней, необходима крепостная зависимость в подлинном смысле этих слов»[126]. Такого же взгляда на поставленный вопрос придерживался и В.И. Ленин[127].

Исходя из выше сформулированного определения сущности крепостного права, мы склонны считать, что при феодализме крепостными являлись все группы феодально-зависимого населения, в том числе и государственные крестьяне, которых дореволюционная официальная историография и закон относили к разряду «свободных состояний». Конечно, несвобода различных групп непосредственных производителей, степень их крепости по отношению к собственникам производства не была одинаковой. Она варьировалась в различных объемах, но ее сущность оставалась одной – крепостнической.

Из всех разрядов феодально-зависимого населения России самыми закрепощенными являлись частновладельческие крестьяне; принадлежавшие отдельным светским и духовным феодалам. В процессе развития феодализма их несвобода была доведена до крайнего предела, до того рубежа, за которым начиналось рабство. Главным образом этих крестьян мы и будем постоянно держать в центре внимания при освещении избранной темы.

Итак, поскольку крепостное право в нашем понимании является юридическим выражением феодальной зависимости крестьян от землевладельцев, мы полагаем, что оно возникло одновременно с феодализмом вместе с ним развивалось, принимая все более грубые и бесчеловечные формы, и, наконец, вместе с ним пало в 1861 г. Следовательно, истоки крепостного права надо искать не в XVI–XVII или XVIII вв., как это делали дворянско-буржуазные ученые, а значительно раньше. Своими корнями крепостное право уходит в эпоху складывания на Руси феодальных отношений в эпоху образования Древнерусского государства.

Мы не будем гадать, в каком конкретно году совершился переход восточнославянских племен от первобытно-общинного строя к классовому обществу. Хорошо известно, что это процесс постепенный и длительный, а потому никто и никогда не сможет назвать его точную дату. Во всяком случае в IX в., как доказано советской исторической наукой, на Руси уже сложилось раннефеодальное государство, а жившее на его территории население четко раскололось на два основных класса-сословия – на класс крестьян или смердов и на класс феодалов разных степеней и рангов. Значит, IX в. Мы и можем условно принять за исходный рубеж в истории крепостного права в России.

Самыми различными путями попадали в зависимость от землевладельцев-феодалов ранее свободные смерды-общинники. Частые неурожаи и недороды, пожары, падежи скота и т. д. приводили к массовому разорению смердов. Перед лицом этих стихийных бедствий крестьяне той поры или смерды были совершенно бессильны. Не имея иного выхода, они сплошь и рядом вынуждены были обращаться за подмогой к землевладельцам-феодалам. Губительно сказывались на хозяйстве крестьян постоянные междоусобные войны и грабительские, опустошительные набеги степных кочевников. Такие и подобные им экономические факторы, несомненно, сыграли определенную роль в процессе закрепощения крестьян. Однако главным здесь было голое насилие или внеэкономическое принуждение, перед которым и отдельные – крестьяне, и община в целом оказались бессильными. В руках феодалов внеэкономическое принуждение было одним из основных средств подчинения непосредственных производителей.

Независимо от того, каким образом попадали крестьяне в зависимость к феодалам – экономически или внеэкономически, т. е. путем открытого принуждения, зависимость эта была феодальной, крепостнической. Она включала в себя право феодала не только на даровый труд крестьянина, но и на его личность и имущество. Это вытекало из самой сущности феодализма, основой которого, как известно, является феодальная собственность на землю или, что одно и то же, полная собственность феодала на средства производства (прежде всего землю) и неполная собственность на непосредственного производителя-крестьянина. Землевладелец-феодал мог заставить работать на себя крестьянина главным образом потому, что последний считался его собственностью, его крепостным, был лично от него зависим.

Такой взгляд на крестьян, как на неполную собственность феодалов, появился, разумеется, не сразу, а зарождался исподволь, вместе с возникновением феодальной собственности на землю. Причем, утверждаясь постепенно на практике, в самой жизни, в сфере экономических отношений, он одновременно оформлялся юридически, закреплялся соответствующими нормами закона и надежно охранялся всей мощью складывавшегося государственного аппарата власти.

Долгое время феодальная или крепостническая зависимость крестьян от феодалов определялась изустным, неписанным законом, т. е. обычаями, в которых и следует искать зачатки того, что с первой половины XIX столетия стало называться крепостным правом. Эти обычаи, вероятно, отличались большим разнообразием, поскольку древняя Русь представляла собой совокупность сотен и тысяч больших и малых феодальных владений. Каждое из них являлось в известной мере «государством в государстве», где существовали свои порядки, свои нормы неписанного закона, подкрепленные реальным соотношением сил феодала и его крепостных. Феодал сам устанавливал форму крестьянских повинностей, их размер и время выполнения, определял характер наказания крестьян за невыполнение назначенных повинностей. Для этого он располагал штатом вооруженных слуг, являвшихся своего рода войском и полицией такого микроскопического государства.

Однако с течением времени усложнялся характер общественных отношений, обострялась классовая борьба. Смерды-общинники оказывали упорное сопротивление росту феодального землевладения и процессу их закрепощения. Они запахивали межи и уничтожали межевые знаки, отделявшие захваченные феодалами земли, убивали представителей княжеской и боярской администрации, поджигали жилые и хозяйственные постройки в усадьбах феодалов, поднимались на открытые восстания. При этом смерды-общинники стремились оградить себя от непомерной, не знающей границ жадности феодалов, отстаивать свое право на самостоятельное хозяйственное развитие. Естественно, что в такой обстановке невероятная пестрота юридических норм, свойственная неписанному или обычному праву перестала удовлетворять потребностям государства и господствующего класса феодалов. Крепнущее Древнерусское государство нуждалось в унификации правовых норм, в единых письменных законах, освященных авторитетом верховной власти. Эти законы должны были надежно оградить интересы феодалов и еще больше укрепить их власть над непосредственными производителями.

Пожалуй, самыми древними исторически засвидетельствованными государственными актами крестьянской крепости являются «Уставы и уроки», введенные княгиней Ольгой в Древлянской земле после убийства ее мужа князя Игоря в 945 г. Однако упомянутые и другие изначальные письменные законы, юридически оформлявшие и закреплявшие феодальные отношения на Руси, к сожалению, не сохранились. О их существовании мы можем судить только по различным рода косвенным данным. Это обстоятельство ставит непреодолимые преграды на пути изучения ранних этапов истории крепостного права в нашей стране.

Первым дошедшим до нас сборником норм древнерусского раннефеодального права является «Русская Правда». Мы не будем останавливаться на истории возникновения этого памятника и его основных редакции, не станем детально вникать в содержание всех его статей. Ему посвящена довольно большая специальная литература. «Русская Правда» нас интересует прежде всего как определенная веха в становлении, и развитии крепостного права в России.

В «Русской Правде» перед нами выступают, с одной стороны, князья, бояре, церковь, с другой стороны, масса непосредственных производителей, смердов-общинников. Эти два класса резко отличались один от другого не только своим экономическим состоянием, но и юридическим или правовым положением. В руках феодалов концентрировались огромные пространства земли и вся мощь государственного аппарата власти. Смерды-общинники оказались на последних ступеньках общественной лестницы, являясь сословием униженным, неполноправным. «Русская Правда» резко противопоставляет смердов не только князю, но и его дружине, «мужам», как высшему классу. Достаточно сказать, что за обиду, нанесенную княжескому слуге, т. е. лицу, близкому князю, его помощнику, взыскивалось 12 гривен, а за обиду смерда вчетверо меньше – 3 гривны [128].

Как человек, приносящий князю и другим феодалам доход, смерд в некоторых случаях приравнивался к холопу. Так, за убийство боярина «Русская Правда» установила штраф в 80 гривен. Такая же сумма была назначена за убийство людей, занимавших крупные должности в княжеском хозяйстве, в частности, за убийство управляющего княжеским имением (огнищанина), сборщика княжеских доходов (подъездного), княжеского приказчика (тиуна) и «конюха старого» (т. е. главного). А за убийство смерда, работавшего на княжеской или боярской земле, уплачивался штраф в размере 5 гривен, как и за убийство княжеского холопа или раба[129]. Следовательно, жизнь смерда оценивал ась в 16 раз ниже жизни боярина или лиц из княжеского окружения. Все это говорит, во-первых, о сословной неполноправности смердов, во-вторых, о феодально-крепостническом характере их зависимости от землевладельцев. Ведь штраф за убийство смерда шел не в пользу семьи погибшего, а в карман феодала как возмещение за понесенные убытки, как компенсация за потерю собственности. Значит, уже в ту отдаленную эпоху феодал имел право не только на труд смерда-крестьянина, но также на его личность и имущество. Смерд, попавший в феодальную зависимость от землевладельца, превращался в его собственность. Лишним подтверждением этого является «право мертвой руки» на вымороченное имущество, установленное «Русской Правдой». Согласно «Русской Правде», имущество умершего смерда, не оставившего после себя мужского наследства, поступало в пользу феодала, тогда как имущество боярина за неимением сыновей переходило к его дочерям[130].

Как считают исследователи, в эпоху «Русской Правды» не все смерды являлись крепостными, большая часть их, очевидно, оставалась людьми юридически свободными, не попавшими в зависимость от феодалов. В XI–XII вв. процесс закрепощения смердов был еще далек от своего завершения, он продолжался и позже, на протяжении ряда столетий.

Кроме собственно смердов, «Русская Правда» знает и другие разряды несвободного, феодально-зависимого или закрепощенного населения. Это закупы, рядовичи, изгои, задушные люди. К сожалению, мы далеко не все знаем об этих группах людей, их правовое положение не всегда поддается точному определению. Однако ясно одно: все они находились в зависимости от

землевладельцев светских или духовных, причем зависимость их была феодально-крепостнической, а не какой-либо иной.

Возьмем, к примеру, закупов. Как известно, вопрос о закупах является одним из труднейших в социально-экономической истории древней Руси. Трудность его обуславливается тем, что почти единственным источником, в котором говорится о закупах, являются несколько статей «Русской Правды». Но и они касаются лишь отдельных казусов из судебной практики и не дают сколько-нибудь полного определения общественного положения этой группы населения.

Не касаясь различных точек зрения, высказанных в исторической литературе по вопросу о происхождении и сущности закупничества, остановимся кратко на том, что нам представляется относительно доказанным и признанным в науке. Итак, закупы – это в большинстве случаев обедневшие или вовсе разорившиеся смерды. Экономическая нужда заставляла их обращаться к соседу-феодалу за подмогой, которая могла выражаться в определенном участке земли, деньгах, хлебе, живом и мертвом сельскохозяйственном инвентаре. До возвращения полученной ссуды закуп обязан был выполнять на господина самую разнообразную работу. Но закуп не просто продавал свою рабочую силу феодалу, как, допустим, рабочий капиталисту. Посредством «долга», через особого рода договор он попадал к нему в личную, крепостническую зависимость. Причем раз попав в капкан феодала, закуп едва ли мог когда-либо из него вырваться. Закуп являлся таким человеком, с личностью которого можно было не считаться. Закуп не мог уйти от феодала, пока не уплачивал долг и не ликвидировал вообще всех своих обязательств. В случае бегства он превращался в

раба. Феодал имел право подвергнуть закупа телесному наказанию и не отвечать за это перед законом. Хотя закон и оговаривал, что наказание должно применяться только «за дело» и запрещал бить закупа «без вины» с его стороны, однако эта оговорка мало облегчала положение закупа. За кражу, совершенную закупом, отвечал его господин, но сам закуп в таком случае, как и в случае побега, становился полным холопом. Даже на суде показания закупа в качестве свидетеля принимались лишь в малых тяжбах и только тогда, когда не было свидетелей вполне свободных[131]. Все это ставило закупа в бесправное положение, превращало его в собственность феодала.

Очевидно, в подобной зависимости от феодалов находились и другие группы несвободных людей, перечисленные в «Русской Правде». Разумеется, степень этой зависимости или несвободы, как уже говорилось, могла варьироваться в различных пределах, но сущность ее оставалась одна – это была зависимость феодально-крепостническая.

Таким образом, «Русская Правда» явилась важным звеном в становлении крепостного права, хотя термин этот в ней и не упоминается. Она была направлена, на защиту интересов феодалов-землевладельцев против враждебных им общественных низов и прежде всего против смердов-крестьян. «Русская Правда» не только законодательно оформила давно сложившиеся социальные отношения, закрепив господство одного класса над другим. Она вместе с тем создала необходимую юридическую базу для дальнейшего наступления землевладельцев-феодалов на личность, труд и имущество непосредственных производителей.

2. Крепостное право на Руси в период феодальной раздробленности

К исходу XI в. единая Киевская Русь стала фактически неуправляемой и как первичная форма организации государственной власти господствующего класса феодалов изжила себя. На ее территории исподволь складывались отдельные княжества со своими местными центрами, особенностями внутренней экономической жизни и политического устройства. Страшный натиск половцев на некоторое время задержал этот процесс. Но после смерти Владимира Мономаха и его сына Мстислава центробежные силы окончательно взяли верх. На Руси начался период феодальной раздробленности. Академик Б.А. Рыбаков в книге «Первые века русской истории» писал: «В 1132 г. Киевская Русь как бы внезапно распалась на полтора десятка княжеств, по территории примерно равнявшихся западноевропейским королевствам. Однако эта внезапность лишь кажущаяся – на самом деле процесс кристаллизации самостоятельных княжеств (или, как мы говорим, процесс феодальной раздробленности) подготавливался уже давно всем ходом исторического развития...»[132].

Наступление феодальной раздробленности было закономерным следствием дальнейшего развития производительных сил и феодальных производственных отношений. В конце XI – начале XII вв. феодальный базис на Руси достиг такой степени зрелости, что пришел в несоответствие с существовавшей структурой государственного организма. Для устранения возникшего противоречия надо было прежде всего уменьшить масштабы объединения, приблизить верховную власть к земельным владениям феодалов на местах. Эта задача была решена в процессе распада Киевской Руси на ряд самостоятельных княжеств. Как отмечалось в приведенной выше выдержке из книги Б. А. Рыбакова, таких княжеств в XII в. образовалось полтора десятка. Территориально они в основном совпадали с местами, расселения древних восточнославянских племенных союзов, которые были устойчивой общностью людей, складывавшейся веками. В связи с этим прекратились частые перемещения князей из одного княжества в другое, появились постоянные княжеские династии и полная управляемость отдельных княжеств, что в целом благоприятно влияло на развитие их экономики и культуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.